

18+

Александр Хан-Рязанский Каждому аз воздам! Визит в преисподнюю

1945 - 2020

Александр Хан-Рязанский

Каждому аз воздам! Книга третья. Визит в преисподнюю

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53791722

SelfPub; 2024

Аннотация

Закончилась Курская битва. Группа капитана Шульги благополучно вернулась к своим. После награждения и лечения отправлена на отдых в Рязанскую область. ГлавУпр контрразведки приготовил им новое, не менее рискованное и опасное задание на оккупированной территории Белоруссии. Группа была пополнена еще несколькими диверсантами-ликвидаторами. Предстояло тайно попасть в партизанский отряд и заручившись их поддержкой, навестить один из сборно-пересыльных концлагерей и выкрасть неизвестного человека, что в принципе почти невозможно. Можно на протяжении всей жизни совершать плохие поступки, обижать людей, вести себя безнравственно и аморально и думать, что всё сойдёт с рук – возмездие тем не менее, состоится, и за всё придётся ответить. Сейчас некоторые страны, постсоветского пространства, активно используют коллаборационистов прошлого в конструировании современных политических мифов, которые носят однозначно антироссийский характер.

Есть лёгкая нецензурная лексика

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	28
Глава третья	67
Глава четвертая	95
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Александр Хан-Рязанский
Каждому аз воздам!
Книга третья. Визит
в преисподнюю

Мне отмщенье, и аз воздам!

Воздастся людям – по заслугам,

За все грехи – воздастся людям,

Кто рушит Божий Храм!

Глава первая

Транспортный Ли-2 медленно пробивался сквозь густые грозовые тучи, моторы мелодично пели на одной частоте и успокаивающе убаюкивали пассажиров. Летели уже три с лишним часа. Скоро Москва. Из кабины вышел второй пилот, – Товарищи прошу всех приготовиться, через пятнадцать минут посадка в Быково. Через некоторое время самолёт резко клюнул носом и пошёл на снижение. Ли-2 рыкнув, ткнулся во взлётно-посадочную полосу и пробежав, остановился у края взлётной полосы. На аэродроме их уже встречали и это Сергею Глебову не понравилось. Уж слишком много было встречающих. Кроме трех санитарных машин, на поле неподалеку стояли еще четыре черных автомобиля и один подозрительно смахивал на автозак. Самолет сразу был окружен автоматчиками, но на борт первыми вступили химики. Они были в прорезиненных плащах и в противогазах, в руках они несли странный продолговатый ящик. Первым вошел, по-видимому офицер-химик, он глухо, через противогаз, спросил, – Где объект? Глебов махнул рукой в хвост самолета, они прошли, раскрыли ящик, обложенный технической ватой и песком и с предосторожностями, перенесли в него химический снаряд.

Следующим вошли врачи и санитары с тремя носилками, они бережно уложили на них Шульгу, Дроздова и Иваныча.

Осмотрев Влада, перевязали его и настоятельно рекомендовали завтра прийти на перевязку. Настала очередь Линке. Вошли два мордovorота в гбэшной форме, молча взяли под руки майора и приподняв, почти по воздуху, потащили к выходу. У двери самолета застыл суровый автоматчик. Больше никого не выпускали, повисла неприятная пауза. Через некоторое время в самолет зашел неизвестный человек в кожаном реглане и зычным голосом стал выкрикивать фамилии бойцов группы Соболева. Двое его бойцов подхватили капитана Соболева и медленно направились к выходу. Четвертый боец группы Соболева нес личные вещи. Как только они спустились на каждого надели наручники и отвели в сторону стоящего автозака. Все, приплыли, – со злостью подумал Глебов. Фильтрация началась! Страна жила по военному времени и ничего не менялось. Никому еще не удавалось после плена выйти из застенков НКВД без нервотрепки и ложных обвинений. Эта жесткая фильтрация, после нечеловеческих пыток в немецком гестапо, может окончательно подорвать оставшиеся здоровье ребятам Соболева. Настала очередь группы Шульги. Первым вышли Глебов с Завьяловым, за ними Раечка, потом Гиви с Владом, последним озираясь выпрыгнул из самолета Митяй. Все лишнее оружие, кроме личного, вежливо предложили сдать. Митяй с сожалением расстался с новеньким «Парабеллумом» и гранатой. Неизвестный в реглане осуждающе покачал головой.

– Кто этому мальчишке доверил такое серьезное оружие?

– Угомонитесь товарищ, не знаю вашего звания, – вступился за Митяя Глебов, – Этот малец был в такой переделке, что вам и не снилось, он угробил не один десяток фашистов и благодаря ему, группа прибыла в полном составе и без серьезных потерь. Неизвестный хмыкнул, но промолчал и повел всю группу к автобусу.

– Куда вы нас? – Скоро узнаете! Все хранили гробовое молчание и с интересом разглядывали темные улицы Москвы. К удивлению, их не заперли и не выставили охрану, а просто поселили в ближайшей гостинице и приказали ждать. Два безмолвных солдата принесли ужин и фляжку спирта. Все поели, выпили наркомовские сто грамм и завалились спать, Раечку разместили в соседнем номере, а остальных распределили в одном большом номере. Прошло пять дней. Утром, следующего дня на носилках принесли Шульгу, его прооперировали, перелили кровь и туго перебинтовали грудь. Он был в сознании, даже пытался встать, но Раечка навалилась на него упругой грудью и припечатала к кровати, – Куда, командир, успеешь еще поскакать, пока отдыхай и набирайся сил, я от тебя ни на шаг. К вечеру Шульге стало немного лучше, он, с помощью Раечки попытался подняться на ноги. Медленно, шаг за шагом, он начал движение по коридору гостиницы. Грудь обжигала неясная боль, чуть подташнивало, но он упрямо продолжал медленно, шаг за шагом двигаться по коридору гостиницы. Люди в синей форме с интересом их разглядывали, многие уже знали кто это и

откуда они прибыли, но лишних вопросов не задавали. Рачка не отходила от Шульги и всячески ему помогала. Тут с криком, – Нашел, нашел, – влетел в палату шустрый Митяй, он раздобыл где-то деревянные костыли, и это могло существенно облегчить передвижение раненого Шульги. На груди Митяя блеснула латунью медаль «Партизану Отечественной войны» 2-й степени, недавно учрежденная Указом Президиума Верховного Совета СССР, а на правой стороне груди горел красной эмалью орден "Красной звезды". Шульга одобрительно осмотрел на Митяя, – Ого, малец, ты растешь в моих глазах.

– Товарищ командир, благодаря вам и товарищу Испанцу, Шульга его перебил.

– Митяй, мы не в тылу врага, конспирация здесь не уместна, можешь называть Испанца товарищ полковник, а фамилия его Михеев.

– Благодаря рапорту, в котором вы красочно расписали мою стрельбу из фаустпатронов, я получил этот орден, а в Центральном штабе партизанского движения мне еще и медаль вручили.

– Надеюсь, это твои последние награды, больше воевать ты не будешь, тебе учиться надо, я вот сейчас подлечусь и плотно займусь твоей персоной. Митяй на глазах сник и обидчиво насупился.

– Ладно-ладно, война скорее всего, закончится не завтра, успеешь еще повоевать, а сейчас давай сюда свои костыли.

Утром приехал капитан из суворовского училища, и проверив документы, увез Митяя. Шульга, с чувством выполненного долга, сердечно попрощался с ним. Долгих и мирных лет тебе дитя войны. Ты больше не должен видеть этот кошмар и тем более, участвовать в этой несправедливой войне.

К вечеру подъехал автобус с затемненными окнами и всю группу пригласили пройти на посадку. На все вопросы отвечали немym молчанием. Автобус медленно тащился по центру ночной Москвы, миновал Патриаршие пруды, свернул на Малую Никитскую, расположенную внутри Садового кольца, параллельно Большой Никитской и подъехал к мрачному слабо освещенному особняку. К автобусу подошли два офицера и пригласили во двор, где их встретили уже другие офицеры и проводили на второй этаж и приказали ждать. Шульга на костылях поддерживаемый Раечкой с трудом взобрался на второй этаж и присел на диван. Мимо прошел ни на кого не глядя, неуловимо знакомый человек с франтоватыми усиками и с погонами комиссара государственной безопасности 2-го ранга. Шульга узнал в нем Богдана Кобулова и сразу понял, где они сейчас находятся. Это была резиденция Лаврентия Берии. Лаврентий Палыч верен своему слову и если он решил их увидеть лично, то так тому и быть, тебя бедолагу отыщут где бы ты родимый не прятался. Приказы Берии всегда выполняются беспрекословно и в срок. Кобулов на мгновение остановился, резко поднял голову, быстро обвел взглядом всю группу и на миг глаза его остановились

на Шульге.

– Капитан, мы раньше нигде не встречались?

– Встречались, товарищ комиссар государственной безопасности 2-го ранга.

– При каких обстоятельствах проходила наша встреча?

Шульга подошел ближе.

– Вы меня направили в нелегальную командировку в Венгрию 1938 году. По тому, как недобро блеснули глаза Кобулова, Шульга понял, что эта встреча не предвещает ничего хорошего, это окончательно испортило ему настроение. Но Кобулов отвел глаза, с бесстрастным лицом приказал следовать за ним и повел группу Шульги в актовый зал.

– Узнал сучонок, он меня узнал, – мелькнула мысль в голове Шульги, сейчас обязательно доложит Берии.

– Командир, с вами все в порядке? На вас лица нет!

– Все нормально Раечка, просто резко встал с дивана и заболела рана. На сцене стоял длинный стол, накрытый красным кумачом, за столом сидели Меркулов, начальник СМЕРШ Абакумов и седой полковник представитель наградного отдела.

– Проходите товарищи не стесняйтесь, присаживайтесь, мы вас долго не задержим, идет война и рассиживать нам некогда, – полковник встал и начал называть фамилии.

– Старший лейтенант Раиса Симонова?

– Я, – Раечка встала и поднялась на сцену.

– За проявленную отвагу и героизм в тылу врага вам при-

сваивается внеочередное звание старший лейтенант и Указом Верховного Совета СССР вы награждаетесь орденом Отечественной войны 2 степени.

– Служу Советскому Союзу!

– Гиви Гегечкори? – Я!

– Вам за проявленный героизм и отвагу в тылу врага присваивается внеочередное звание капитан и Указом Верховного Совета вы награждаетесь орденом Отечественной войны 2 степени. Абакумов под столом погрозил Гиви пальцем.

– Служу Советскому Союзу!

– Влад Денисов? – Я!

– За грамотное проведение минных работ и умелое управление самоходными минами «Голиаф» при ликвидации стратегически важного объекта, вам также присваивается внеочередное звание капитан с вручением ордена Отечественной Войны 2 степени.

– Служу Советскому Союзу!

– Капитан Морозов? – Я!

– За проявленный героизм и отличное руководство снайперской группой при ликвидации стратегического важного объекта в тылу врага, вы награждаетесь орденом Великой Отечественной войны 1 степени денежной премией в размере 10 тысяч рублей.

– Служу Советскому Союзу!

Все правильно, – пронеслось в голове Шульги, – Иваныч уже капитан, а выше нельзя – нет военного образования,

внеочередное звание заменили денежной премией, а орден Красной Звезды у него уже есть, а по положению о наградах ему полагается второй орден Красной Звезды, но с учетом успешно проведенной операции и тяжелого ранения ему должны вручить более высокий орден. Так и вышло.

– Капитан Шульга? – Я! – За успешное проведение операции в тылу врага и умелое руководство группой диверсантов-ликвидаторов вражеских школ, вы награждаетесь орденом Кутузова, а также с учетом тяжелейшего ранения вам вручается денежная премия в размере 15тысяч рублей.

– Служу Советскому Союзу!

Всех за руку поздравил сначала Меркулов, потом Абакумов и на этом церемония награждения подошла к концу. Абакумов дружески потрепал Шульгу по плечу.

– Очень рад капитан, что в тебе я не ошибся, мне стоило больших трудов уговорить Лаврентия Палыча вернуть тебя на службу, но по большому счету, за тебя очень усердно хлопотал ваш друг полковник Глебов и покосившись на Кобулова, шепнул, – Будь начеку, они что-то задумали, не оплошай. Абакумов что-то шутовское шепнул Гиви и неторопливо покинул актовый зал. Кобулов вновь привел всех в приемную и велел ждать. Все занялись разглядываем врученных наград. Гиви, удовлетворенный увиденным, отправил орденскую книжку в карман гимнастерки, – Хм!.. командир, а откуда Абакумов узнал, что я в живых немцев никогда у себя за спиной не оставляю?

– Я не знаю бичо, мы все Абакумова увидели здесь впервые.

– Наверно это Испанец, а кстати, почему его не было с нами?

– У него сейчас забот полный рот. Скоро мы с ним наверняка встретимся.

Прошло больше часа ожидания, обстановка была нервной, дежурные офицеры сновали туда-сюда, но их никто не беспокоил, наконец двери бесшумно открылись и их пригласили в кабинет.

Кабинет представлял собой огромную, с высокими потолками, комнату, в середине стоял массивный т-образный стол из красного дерева, высокие окна, в рост человека, были задрапированы тяжелыми бордовыми шторами, по углам стола, на длинной ножке, стояли вычурные торшеры с зелеными абажурами, от которых исходил мягкий приглушенный свет. В начале стола в кресле сидел человек среднего роста с глубокими залысинами и что-то сосредоточенно писал. Вдруг на потолке вспыхнула ярким светом хрустальная люстра, сверкнули линзы пенсне и Берия медленно поднял голову. Он встал и уверенной походкой двинулся к центру кабинета. Шульга чуть замешкался, мешали костыли, шагнул вперед и лихо приложил руку к фуражке.

– Товарищ генеральный комиссар государственной безопасности, группа контрразведчиков под командованием капитана Шульги по вашему приказанию прибыла в полном

составе. Берия молча обошел группу и остановился около Раечки и по-отечески просто спросил, – Устала дорогая? Как там за линией фронта? Потери в личном составе есть? Мне докладывали, что вы там основательно повеселились.

– Так точно, Лаврентий Палыч там было нелегко, но мы справились! Потерь в группе нет – только раненые!

– Ордена получили? Отлично, это небывалое событие в нашей практике. Мы никогда не вручаем награды лично офицерам Смерша-4, ваш случай из ряда вон выходящий и только недавно ваше руководство ГУКР Смерш впервые подало Иосифу Виссарионовичу Сталину проект указа о награждении военных контрразведчиков – ранее лишь некоторых к орденам и медалям представляли командиры в войсках. Вы первые!

– Служим Советскому Союзу и будем служить до последней капли крови!

– Ваша главная заслуга, товарищ Шульга была в том, что, обезвреживая агентуру противника и уничтожая диверсионные школы, вам удалось лишить немцев достоверных данных о планируемых советским командованием операциях. То есть, силами вашей группы, основные усилия направлялись на нейтрализацию действий противника: абвера, полевой жандармерии, главного управления имперской безопасности в городе Озерске. Отдельное спасибо за доставку на Большую землю матерого немецкого разведчика майора Абвера Линке. Он рассказал нам много интересного. Родина по

достоинству оценила ваши заслуги. Каждая ваша успешно проведённая операция – это тысячи спасённых жизней советских солдат и офицеров.

– Мы старались товарищ генеральный комиссар госбезопасности.

– Хотите прочесть, что о вас и о других наших контрразведчиках Смерш, пишет немецкий генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель? Он вынужден был признать, что: «Мы ни разу не получили достоверных данных, которые оказали бы существенное воздействие на развитие военных событий на Курской дуге и в других операциях вермахта». Это дорогого стоит. До настоящего времени, немецкая разведка не получила ни одного важного плана наступления советских войск и не смогла реализовать масштабные диверсии. Берия встал из-за стола и стал прогуливаться по кабинету. Сняв пенсне, он неторопливо протер их белоснежным носовым платком.

– Все свободны товарищи, а вас, капитан Шульга я попрошу задержаться.

Раечка с тревогой взглянула на Шульгу, что еще задумал этот мастер замысловатых интриг и тонкий знаток человеческих душ? Заметив это, Шульга ей весело подмигнул, все будет в порядке, не беспокойся. Когда все поспешно вышли, Берия подошел к Шульге вплотную. С минуту он его молча разглядывал.

–Ну здравствуй колымский сиделец, что, ты так и не по-

нял за что я тебя упек?

– Никак нет тов...

– Так, капитан Шульга, давай договоримся без званий и соблюдения субординации, мы в каком-то роде с тобой родственники, одни шары, когда-то загоняли в одну и ту же лузу! Шульга решил не тушеваться перед таким грозным и влиятельным человеком в СССР. Сам напросился.

– Знаете, что... Лаврентий Палыч, не будь у вас на плечах таких больших звезд, разговаривали бы мы совсем по-другому!

– О, даже так? Похвально! Я признаю свою вину, с вами я несколько погорячился, но у меня не было другого выхода. Вы мне чуть не сорвали серьезнейшую разведывательную операцию в Европе, которую я готовил несколько лет и благодаря нейтрализации вашей персоны, операция, под кодовым названием «Гиацинт» имела большой успех. Вы сами, по наивности, все приняли за чистую монету, а этого делать было нельзя. Любовь и разведка понятия несовместимые. За ваши неприятные лишения в Колымском крае вам присваивается внеочередное звание майора, приказ будет подписан мною через несколько дней, все необходимые документы получите у Кобулова. Вам возможно еще придется встретиться с Глорией Риччи, но об этом потом. Надеюсь вы умеете держать язык за зубами?

– Колыма научила, Лаврентий Палыч!

– Кто еще знает о ваших взаимоотношениях с Глорией?

– Буквально, почти никто, кому это не положено знать, а кто знает, те будут молчать.

– Отлично, майор, а кто это та красивая и миниатюрная девушка, с погонами старшего лейтенанта, которая так тревожно и с любовью смотрела на вас?

– Все-таки заметил черт неугомонный, – с тревогой подумал Шульга, но вслух произнес, – это старший лейтенант Рариса Симонова, мой штатный радист, позывной «Сойка». А с какой целью интересуетесь? Её я вам не отдам! Этот гранитный камушек вам не так просто будет расколоть. Девушка – кремень!

Берия рассмеялся, – Что, тоже веришь рассказням, что Берия слаб на передок?

– Было такое мнение, но я не верил.

– Правильно делал, все, аудиенция окончена, вам и вашей группе объявляю 10 суток отпуска, сообщите вашему командованию место отдыха группы и будьте свободны. Вас ждет необычное дело, но об этом потом, вам лично надо подлечиться и набраться сил. Берия резко повернулся, уселся за стол, большой свет в кабинете стал медленно гаснуть. Шульга, козырнув, немедленно удалился. Он пока решил, пока нет приказа о присвоении ему звания майора, не говорить группе об этом приятном событии.

Начало осени 1943 года. Тиха рязанская ночь, город Рязск уже давно спит, только тревожно в тишине, раздаются паровозные гудки. Военские поезда с людьми и техни-

кой идут к фронту круглосуточно. Вот уже неделю группа Шульги отдыхала после возвращения из Озерска. Когда они узнали, что им предоставлен отпуск в десять суток, радости не было предела. Все наперебой стали предлагать свои любимые места отдыха, Гиви смертельно обиделся, когда все дружно отказались ехать в Грузию, во-первых, далеко и они просто не успеют вернуться вовремя, во-вторых, они предвидели, что это будет за отдых. Гиви при них заказал звонок по линии НКВД в Грузию и попросил отца срочно приготовить столитровую бочку лучшего кахетинского вина, что привело в шок всю группу.

– Гиви, ты подумал, что с нами будет после такого количества вина?

– Ай генацвале, я пью наше вино с пяти лет и что, я стал алкоголиком? Нэт!

– Но мы русские не пьем вино в таком раннем возрасте и нам кажется, что мы никогда не унесем ноги из твоего родового гнезда. Гиви, что-то возмущенно пробормотал по-грузински и оскорбившись выскочил на улицу. Решили по всеобщему согласию провести отпуск в Рязанской области, тем более тесть Испанца Павел Михайлович, при прощании, настойчиво приглашал всех в гости. А почему нет? Недалеко от Москвы, дорога туда и обратно займет не так уж много времени. Завьялова после прибытия в Москву, после основной проверки НКВД, признали не годным к строевой службе и комиссовали по состоянию здоровья и выслуге лет,

он не мешкая отбыл в Рязанскую область. Иваныч и Влад были не против, но с Гиви пришлось повозиться. Этот упрямый грузин затаил кровную обиду, но, когда ему сказали, что ряжские девушки дюже красивы и покладисты, отошел и примкнул к всеобщему согласию. Но Гегечкори не суждено было завести теплые знакомства с ряжскими девушками, пришла телефонограмма, что отец Гиви находится в тяжелом состоянии и он, быстро собравшись, срочно выехал к себе в Грузию.

Раечка не отходила от Шульги ни на шаг, после того, как Управление внешней разведки отослало её непримиримую соперницу Глорию, куда-то в Европу, она облегчено вздохнула и успокоилась. В Ряжск группа прибыла поздно вечером, но Михаил Иванович их уже радушно встречал на вокзале. Все с удивлением разглядывали, возвышавшиеся статным монументом железнодорожный вокзал, он одиноко стоял посреди огромного количества железнодорожных путей и к нему не было подъезда ни на каком транспорте, кроме локомотивов и выглядело это необычно, и довольно странно. Такого они еще не видели. Павел Михайлович прибыл в милицейской форме, где на погонах красовались три большие звездочки полковника. Ему не разрешили работать в НКВД, но в милицию взяли с распростертыми объятиями, так как в этом ведомстве не было таких драконовских допусков по здоровью, а по случаю всеобщего призыва молодых людей на фронт, в этом ведомстве постоянно не хватало опытных кад-

ров. Как раз бывший начальник милиции Ряжского района отбывал на фронт в составе сводной группы состоящих из одних добровольцев милиционеров. Когда он пришел, сверкая своим орденом иконостасом, вставать на партийный учет в райком партии, ему сразу предложили возглавить районный отдел милиции. Он с удовольствием согласился.

Старенький милицейский автобус скрипя и завывая своими внутренностями, медленно полз по ночному городу. Город был уже без светомаскировки и кое-где попадались редкие столбы с уличным освещением. Военные патрули, усиленные милиционерами, изредка попадались им на пути, но узнав Завьялова, отдавали честь и пропускали дальше. В городе было беспокойно, появились банды, которые промышляли только одним, нападали на продовольственные склады стратегического назначения, при этом или убивали, или связывали сторожей и вывозили продукты подводами. В городе, как и во всей стране было довольно голодно.

После Курской битвы, которая завершилась полным уничтожением группировки гитлеровцев под Прохоровкой, наступил перелом в военных действиях в пользу сил антигитлеровской коалиции, советская армия погнала всю эту нечисть со своей земли. Германия перешла к обороне по всему фронту. Когда Гитлеру было доложено о провале операции «Цитадель», он в ярости, запустил в стену кофейную чашку и назвал командующих группами армий «Центр» и «Юг» генерал-фельдмаршалов Клюге и Манштейна – «дубо-

выми головами». Клюге был заменен на посту командующего группой армий генерал-фельдмаршалом Эрнстом Бушем и переведён в резерв. Манштейну же, он припомнил все, и зиму 1942-1943 года, когда он безуспешно пытался деблокировать 6-ю армию Паулюса и вытащить её из Сталинградского котла, и что по его вине операция «Винтергевиттер» закончилась полной неудачей и, как непосредственный командир генерала Паулюса, что не отдал прямого приказа Паулюсу на выход из окружения 6-й армии. Армия Паулюса сознательно была принесена в жертву под Сталинградом, так как у Манштейна были основания опасаться за сохранность всего южного крыла восточного фронта германской армии. Гитлер, все это не забыл и обвинив его в трусости, сместил с занимаемого поста и отправил в тыл, но потом поостыв, опять назначил его командовать группой армий «Юг». Сам же Майнштейн себя виновным в гибели 6-й армии не считал и всю вину за уничтожение армии, фельдмаршал Манштейн, возложил на Гитлера и на мягкотелого Паулюса, который так и не взял на себя риск прорыва из котла и оставления Сталинграда без приказа своего командира – Манштейна.

Была в этом заслуга и группы Шульги, майор Линке оказался довольно ценным пленным, он многое рассказал оперативникам в Главном Управлении разведки при генеральном штабе РККА. Благодаря этим сведения смершевцы разгромили больше десятка школ Абвера и арестовали или уничтожили большое количество спящих агентов в глубоком

тылу. Раечка стала старшим лейтенантом, Влад и Гиви щеголяли в новеньких капитанских погонах. Испанец сейчас был в Москве, прибыл за новым назначением и передал всем привет от Деда. Григорьеву за операцию в Озерске присвоили внеочередное звание полковника и занимал он сейчас пост начальника Особого отдела N-ской армии одного из Белорусских фронтов. По приезду в дом Завьяловых их радушно встретили Светлана Павловна и Степанида. Они уже с вечера начали хлопотать на кухне, Павел Михайлович получил, полагающийся ему месячный офицерский паек и работа на кухне закипела. Шульга также скомандовал всем освободить вещмешки с продуктами, пир намечался быть грандиозным. Неожиданно в комнату, бочком, стесняясь и пугливо озираясь, вошли две очаровательные девчушки и в нерешительности остановились у порога. Раечка улыбнулась и пригласила их подойти ближе. Младшая оказалась побойчее и сходу забралась к Раечке на колени, а старшая скромно присела на стул.

– Ну кто это к нам пожаловал, давайте знакомиться, Раечка погладила девчушку по головке.

– Я Лиза Глебова, а это моя сестра Тамара Глебова!

– Вот как, а мы не знали, что у полковника Глебова такие взрослые дочери.

– Мы еще не взрослые, мне семь, а Томке одиннадцать!

– Ну это как посмотреть, если помогаете маме по дому, то взрослые, а если нет, то еще вам расти и расти. Мне тоже

было когда-то столько же сколько и вам, и я всегда помогала маме. В комнату зашла Степанида, – А ну, кыш отсюда мелюзга, дайте маме поговорить. И с интересом стала смотреть на Шульгу, – Так вот вы какой Александр Шульга, по прозвищу Колыма, много, очень много слышала я о вас от мужа, но вижу только сейчас, а вы значит та самая Раиса Сиимонова, которая стреляет как Бог и мастерски водит немецкий танк? Степанида с интересом обошла Раечку вокруг, – Хороша подруга! Шульга куда ты смотришь, недотепа?

– Да туда и смотрю, но эту неприступную крепость не так легко взять.

Раечка зарделась, – Ну уж скажете Степанида, я обыкновенная русская девчонка, которая успела хлебнуть горяшка с этими бедовыми ребятами, включая вашего мужа. Шульга понял, что он здесь лишний и под надуманным предлогом покинул женщин.

– Сергея я хорошо знаю, он просто так ничего делать не умеет, у него всегда припрятан туз в рукаве, он больной на всю голову, за что мне это – непонятно! Давай на «ты», Раиса, мы должны обязательно подружиться. И зови меня Стеша, я ненамного старше тебя. – Хорошо Стеша, но мы здесь ненадолго и скоро уедем. Война!

– Ненавижу военную жизнь, папа всю жизнь проходил под погонами и мужа умудрилась найти с погонами. Дочери месяцами не видят ни отца, ни деда, что за жизнь проклятая.

– Скоро Стеша война закончится, и все ваши мужчины

вернутся домой.

– Нет, эти сумасшедшие в погонах, никогда не успокоятся, они найдут себе проблемы и в мирной жизни. Ну ладно пошли к столу, мама уже все приготовила.

Все чинно расселись, первый тост за Победу, второй за здоровье, не знаю почему, но у смершевцев, в узком кругу, не принято было пить за Сталина. Было уже очень поздно и плотно поужинав все стали устраиваться на ночлег. Места на полу было достаточно. Шульга с Раечкой расположились на улице в беседке на топчане. Конец августа, ночи были теплыми и душными. Они улеглись, по фронтовой привычке одетыми, каждый под своим одеялом и молча рассматривали звезды на ночном небе. В доме наступила тишина. Пошел девятый день отдыха, но до конца отгулять отпуск не получилось, среди глубокой ночи их разбудил громкий стук в дверь дома Завьяловых. Проснувшись, Шульга обнаружил, что спит с Раечкой в обнимку и под одним одеялом. На Раечке были только мужские кальсоны и черный бюстгальтер. Когда она успела раздеться? Он медленно убрал горячие руки Раечки со своих плеч, осторожно освободился от женских ног и встал с топчана. У калитки, переминаясь, стоял сержант милиционер и просил позвать капитана Шульгу. Завьялов в эту ночь был на дежурстве.

– Я Шульга, слушаю вас сержант. Что случилось?

– Товарищ капитан, вам и вашей группе срочно приказано явиться в Москву.

– Прямо сейчас – ночью, а поспать мы можем до утра?

– Нет, машина уже ждет вас у нашего районного отделения милиции.

– Ждите, через двадцать минут будем готовы. Шульга, проклиная всех вместе взятых начальников, стал будить свою группу. Все наскоро попрощались с хозяевами дома, покидали кое-какие свои пожитки в вещмешки и отправились за сержантом. Существенное место в вещмешке Шульги занимала внушительная пачка денег – его премия. Он не знал, что с ней делать, купить на них что-нибудь стоящее и бегать по магазинам у него абсолютно не было времени. Ему хватало офицерского пайка. После того, как его упекли на Колыму, он потерял связь со своей семьей, что было ему на руку, существующая репрессивная машина перед войной не пощадила бы и их, но началась война и 19 сентября 1941 года немцы вошли в Киев и он окончательно потерял их следы.

Не раздумывая, Шульга упросил Степаниду взять у него все премиальные деньги, они ему ни к чему, а у неё растут две славные дочурки. Стеша расплакалась и обняла Шульгу, – Береги себя Саша, Сережка знал, кого назвать своим другом. Я этого никогда не забуду. В районном отделе милиции их встретил Завьялов и предоставил свой Виллис, который он получил недавно по ленд-лизу от американцев. Что-то случилось и это не рядовое событие, раз в таком сумасшедшем темпе их решили доставить в Москву. Гнали весь остаток ночи. Через пять часов, ранним утром, они остано-

вились у ГлавУпра разведки РККА в Москве.

Глава вторая

После сокрушительного поражения немецких войск на Курской дуге, Абвер активизировал свою работу на Центральном и Воронежском фронтах. За неделю Смерш выловил в лесах 11 групп диверсантов. По-прежнему продолжали гибнуть контрразведчики «Смерша» на всех фронтах. Квалифицированных кадров не хватало, а тех, кого присылали были без опыта и навыков ведения скрытного передвижения, плохо ориентировались на местности, не обладали необходимой ловкостью и реакцией. Работа в сфере глубокой разведки требует быстрых, не стандартных решений и правильно поставленных задач, поэтому, твердый характер, находчивость и смекалка тут имеют первостепенное значение. Но постепенно Смерш реорганизовался, повысился профессионализм, приобретался необходимый опыт, контрразведчики стали реже погибать.

Полковник Григорьев не спал уже третьи сутки. В конце октября на переднем крае, протяженностью около двух тысяч километров, начали наступление все наши восемь фронтов. Работать приходилось на износ. Порой местами, контр-наступление советских войск перерастало в общее стратегическое наступление. А, где общее наступление, всегда царит суматоха и неразбериха, там успешно начинают действовать разношерстные диверсионные группы.

После прибытия в Москву группы Соболева их долго допрашивали в контрразведке, били, не позволяли спать по несколько суток, не давали воды, но ребята Соболева выстояли и благодаря стараниям Григорьева и Глебова, их в конце концов освободили, вернули ордена, звания и отправили к Григорьеву, но двое так и не смогли до конца излечиться и были списаны в нестроевые части. Позарез нужны были люди и люди не простые. Уже неделю, как все структуры «Смерша» недавно образованного Степного фронта, работали из последних сил, мало кто мог выдержать этот сумасшедший ритм.

Дело в том, что за несколько дней до наступления, хорошо подготовленная группа диверсантов ночью совершила нападение на штаб 11 армии, в результате чего погибли командарм армии, начальник штаба, несколько ведущих офицеров штаба, был зверски вырезан весь взвод штабных телефонистов, который преимущественно состоял из молоденьких девчонок, их закололи всех штыками и порубили саперными лопатками. В общей сложности погибло 33 человека и штаб армии попросту перестал существовать. Контрразведчики Смерш Степного фронта впервые встретились с новым боезапасом диверсантов, у них обнаружили патроны с разрывными пулями. Руки и ноги – это варварское изобретение, отрывало даже от одиночного попадания.

Необходимо было найти и обезвредить немецкую диверсионную группу, действующую столь дерзко и нагло в нашем

тылу. Но Григорьева беспокоила не эта дерзкая группа, её рано или поздно все равно уничтожит тыловой Смерш из ведомства Берии, его напрягало другое, кто и откуда направил этих дерзких диверсантов. Где гарантия, что это единственная группа, действующая в нашем тылу, а если таких групп несколько? Нет, тут надо действовать по-другому, а для этого ему срочно нужна группа Шульги. Надо, кровь из носу, взять живым и допросить хоть одного из группы диверсантов и узнать место расположения диверсионной школы, сколько диверсионных групп рыщет по нашим тылам, и кто начальник этой школы. К середине 1943 года, стараниями советской внешней разведки, работающей в Берлине, аналитический отдел ГлавУпра разведки Штаба Красной Армии, уже имел подробный поименный список немецких офицеров-разведчиков, работающих на каждом участке фронта. Короче, нужно срочно пробить кто за этим стоит и какие цели преследует. Он сомневался, что школа расположена на территории Белоруссия, скорее всего она где-то в Польше или на Западной Украине. В конце концов Григорьев не руководит тыловым Смерш, он руководитель Смерш-4, отдел, который специализируется на диверсиях в тылу противника и на уничтожение подобных школ. Дед рвал и метал, но ничего сделать не мог, людей катастрофически не хватало, группа Шульги пока была без командира, капитан Шульга залечивал свои раны на отдыхе в Рязанской области.

По прибытию в Москву, Гиви, по неизвестной пока при-

чине, срочно отбыл на Кавказ, Иваныча, в связи с третьим ранением в одну и ту же ногу, по счастливой случайности, инвалидность опять обошла стороной. Доктора в московском госпитале сотворили чудо, они по частям собирали переломанные кости в течении четырех часов, но ногу сохранили. Он стал заметно прихрамывать, но службу не оставил и ежедневными тренировками, и растяжками заставил ногу ходить нормально. Дед, следуя приказу Лаврентия Берии о десяти суточном отдыхе, не мог послушаться приказа и подключить к поиску группу Шульги. А необдуманная инициатива ему однажды уже сослужила медвежью услугу и рисковать, подставляя свою буйную голову, не было ни малейшего желания. А если учесть, что во главе НКВД стоит такой опытный политический интриган, как Лаврентий Берия, становится ясно, насколько сложным окажется положение Григорьева, если он послушается этого приказа. Но Григорьев, наплевав на все условности, все-таки послушался и сразу же тайком, вызвал Гиви Гегечкори из Грузии. Приказом по трем фронтам, решено было организовать несколько мобильных групп из оперативников «Смерша», передвигающихся по нашим тылам на специальных автомобилях. К комплектованию групп подошли со всей серьезностью, контрразведчиков собирали по всем фронтам, было заменено все оружие, громоздкий и порой отказывающийся в боевой обстановке пистолет «ТТ» заменили на пистолеты Воеводина, которые были на порядок практичнее «ТТ» и имели магазин на 18 па-

тронов, а главное, патроны подходили от массового «ТТ». Скрытно носить огромный «ТТ» в карманах никак не получалось, а если уж находился такой карман, то при мгновенном выхватывании он самопроизвольно мог выстрелить и ранить владельца, так как в конструкции пистолета ТТ не было предохранителя как такового. Все ППШ-41 снарядили не тяжелыми и неудобными барабанными магазинами на 71 пистолетный патрон, что было очень неудобно, а более современным взаимозаменяемым секторным магазином объемом 35 патронов. Этот рожковый магазин заряжался быстрее дискового магазина и весил меньше. Одну из этих групп поручили возглавить вновь прибывшему капитану Гиви Гегечкори, он сразу, за нерасторопность и праздность, отчислил из группы двух человек, а взамен привез из соседнего полка, приглянувшуюся ему смышлѐную девушку. Они поладили и мигом подружились. Виктория Веденева обладала аналитическим умом, неплохо разбиралась в психологии, мастерски водила авто и мототранспорт, неплохо стреляла, но была весьма ершистой и сразу пресекла все сердечные поползновения Гиви.

– Капитана Гегечкори к командиру, – разнеслось по блиндажам. Это надрывался старшина Сидоров, которого Григорьев прихватил с прежнего места службы.

– Сидоров, пройдоха, что орешь, как потерпевший? Здесь я! Гиви откинул укрывавшую его шинель и встал с импровизированного топчана под соснами.

– Ого, Сидоров, ты стал младшим лейтенантом? С ума сойти! За какие грехи тебе кинули звездочку на погон? На ту сторону ходил?

– Да нет, куда мне убогому, но я поймал группу воров и дезертиров в соседнем подразделении, они собирали продукты, чтобы сбежать к немцам.

– Растешь младший лейтенант, растешь, что тебе от меня надо, вояка?

– Вас Дед вызывает, товарищ капитан!

– Разрешите товарищ полковник?

– Проходи Абрек, присаживайся. Слушай боевую задачу! Ты со своей группой, по большому счету, с сегодняшнего дня не будете участвовать в облавах и в оперативно-розыскных мероприятиях глубоко в тылу, для этого есть дуболомы из тыловых Смерш НКВД, которые сначала стреляют, а потом документы спрашивают. Твоя задача будет состоять в том, чтобы найти первым одну очень дерзкую группу диверсантов и не дать бойцам НКВД убить всех диверсантов на месте, надо обязательно сохранить одному из них жизнь. Ну ты понимаешь, позарез нужен язык, надо допросить с пристрастием, как ты это умеешь, выведать откуда они пришли, кто командир диверсионной школы и где она находится. Ты же знаешь, что это будет не просто, немецким агентам и диверсантам настоятельно рекомендуется ни в коем случае не попадать в руки к сотрудникам Смерша живыми. Разрешаю действовать жестко, быстро и не церемониться с тыловыми

группами НКВД из подразделения Лаврентия Берии, но без смертоубийства. Последствия беру на себя!

– Товарищ полковник, я так уже давно не умею, для этого чистоплюйства Владьку Денисова надо вызывать! Это он у нас любитель либеральничать с врагом. У меня так не бывает, в моих руках диверсанты редко доживают до допроса.

– Я тебе дам не бывает, это вражеские диверсанты, они многое нам могут рассказать, хоть и с другими извращенными манерами по отношению к себе. Бить, бей, калечь, но ножички свои оставь в покое! Все, выполняй!

– И все-таки, мне бы Владька не помешал, нам вдвоем было бы гораздо сподручней

– Это исключено, Минер отдыхает и набирается сил после ранения недалеко от Москвы, в тихом городке Рязанской области. У меня есть одна мысль, но не хватает моих полномочий, отозвать их из отпуска, я это попробую сделать через других, более компетентных, людей. Остался только один человек, кто может нам помочь, это Испанец, но он где-то в пригороде под Москвой, формирует свою особую группу, но что-то там у него не ладится, он одного за другим бракует офицеров, которых присылают ему из близлежащих фронтов. Они прекрасные стрелки, хорошие следопыты, рукопашники, но не как контрразведчики, им не хватает гибкого ума, наблюдательности и скорости мышления. Прибывшие офицеры могут работать только с кем-то в паре, но никак не в одиночку и тем более командовать группой. Оста-

вил Испанец только двух девушек, Ксения Канадина была мастером спорта по самбо, который появился в СССР совсем недавно, имела внушительную комплекцию, но думала мгновенно и в совершенстве владела польским и мадьярским языками, вторая, Мария Родионова отлично владела немецким и итальянским языками, окончила до войны радиотехнический институт и курсы военной психологии по моделированию экстренных ситуаций, владела прямым воздействием пси-сенсорики на человека с помощью боевого гипноза и могла собрать прямо на коленке, из сопутствующих деталей, передатчик, радио или электрический взрыватель замедленного действия. А её математические способности вводили в ступор даже маститых преподавателей института. Это была почти копия Влада Денисова, но только по своей радиоэлектронной специализации, её специальный чемоданчик переделанный из саквояжа, был основательно забит всевозможными радиолампами, батареями, проволочками и конденсаторами. Но этих двух девушек было недостаточно для формирования новой группы и решил Григорьев ехать в Москву.

Гиви, облаченный в новый мундир с погонями вымышленного подполковника, подобрал себе команду, они, собравшись, начали разъезжать по району в поисках обнаглевших диверсантов. За рулем новенького Виллиса бессменно находилась Виктория Веденева. Убийства советских офицеров продолжались с завидной регулярностью. В соседнем

районе диверсанты, не побоявшись, напали даже на группу контрразведчиков Смерш из четырех человек и всех расстреляли из автоматического оружия. Раны были жуткими, видимо стреляли разрывными пулями. У одного офицера были вывернуты все внутренности и выбиты оба глаза. У одного ногу перерезало пулями словно бритвой. Абрек внимательно осмотрел раны и сокрушенно покачал головой, – Вы теперь понимаете, почему я так тщательно подбирал вас к себе в команду? Опоздаете с выстрелом, замешкаетесь и с вами будет тоже, что случилось с этими беспечными офицерами. Разрывная пуля разорвет вашу плоть и перемолотит ваши кости как в мясорубке. При малейшем сомнении, мгновенно выхватывайте оружие, здесь главное, фактор внезапности, заставьте врага совершать необдуманные поступки и всячески пресекайте любые действия диверсантов, не стойте на месте, передвигайтесь, приседайте, но держите всегда противника на линии огня и конечно, если надо, обеспечьте снайперскую меткость попадания в руку или ногу. Нам нужно оставить хоть одного живым. Виктория видела такие раны впервые и её стало мутить. Гиви это увидел и это ему не понравилось.

– Ай, слушай Вика, вот тебе кусочек сахара, пожуй, говорят тошноту притупляет, но, чтобы это я видел в первый и последний раз! Надо будет – полезешь своими красивыми ручками в кишках копать и руки-ноги будешь по живому пилой резать. Ты на войне, где кровь и рваные раны обя-

зательный атрибут любого столкновения враждующих сил. Привыкай и не вороти свой, красиво очерченный, римский носик! Вика фыркнула, зажала рот и отошла. Два молодых лейтенанта держались получше, видно не первый раз они видят человеческую кровь и органы отдельно от тела, но Гиви не понравился мандраж, который их мелко бил, это уже неисправимая фобия, на грани неврологического срыва, так сказать – издержки личного характера и это уже не лечится.

– Все, уходим, они уже далеко и нам надо торопиться, у нас задача, уничтожить этих тварей, как можно быстрее. Запищала рация и Виктория надела наушники.

– Командир, группу подозрительных людей в нашей форме видели в пяти километрах отсюда, у деревни Князево, сообщают, что диверсанты работают под видом патрулей комендатуры и тормозят любой авто и мототранспорт для мнимой проверки документов, после чего расстреливают всех на месте.

– Шэни дэда, все, погнали генацвале, пора показать им кто здесь хозяин.

Дед терялся в догадках, как это объяснить, что никто не успевал оказать какое-либо сопротивление. Григорьев разостлал директивы все штабам армий, чтобы офицеры штабов и командиры полков, передвигались только с внушительной охраной и только днем. Никаких остановок в пути и при малейшем подозрении открывать огонь на поражение.

Проливной дождь застал группу Гиви в дороге и просе-

лочные дороги превратились в сплошное и скользкое месиво. Передвигаться стало довольно тяжело, но Виллис тудяга, натужно рыча двигателем, настойчиво греб всеми четырьмя колесами и помаленьку они выкарабкались на мощенную камнем дорогу. Через десять минут подъехали к деревне Князево, у начала деревни, после пологого поворота, показался заваленный на бок Виллис, на земле, прислонившись к автомобилю, сидел один офицер весь в крови, а возле него суетились еще трое. Увидев Виллис, они замахали руками, требуя срочной остановки.

– Внимание, всем приготовить оружие – это наши голубчики! Лейтенанты взвели пистолеты Воеводина и положили на колени, Вика вытащила миниатюрный Вальтер-ППК, расстегнула китель и сунула его между грудей. Гиви одобрительно зацокал языком!

– Сидящий мой, в него не стрелять, остальных косите и не мешкайте, иначе они вам не оставят ни малейшего шанса. Гиви вытащил из газырей два дротика, а кинжал сунул за пояс. Как только Виллис поравнялся с мотоциклом, Гиви метнул дротик в правое плечо сидящего и тут же затрещали над ухом выстрелы лейтенантов. Абрек метнул второй дротик, метил в левое плечо или руку, но помазал, так как сидящий диверсант оказался левшой и начал поднимать руку с пистолетом, дротик воткнулся в шину мотоцикла, с громким хлопком шина взорвалась, это на секунду отвлекло сидящего, но Гиви не мешкал, следом противно фырча, поле-

тел кинжал, который начисто отсек диверсанту руку с пистолетом на уровне локтя. Абрек боковым зрением заметил, как повалились все трое диверсантов, один правда пытался встать и бросить гранату, но Вика была наготове, она всадила пулю из Вальтера прямо в его переносицу.

– Однако, – удивился Гиви, но виду не подал, он мгновенно выскочил из машины и кинулся к истекающему кровью диверсанту, быстро вытащив брючной ремень он перетянул руку диверсанту повыше отсутствующего локтя, потом методично, как учили, прострелил всем троим головы. Абрек дернул воротник одного из убитых, показался мундир мышинового цвета. Что и требовалось доказать! Лейтенанты были поражены действиями Гиви. Их слегка начало мутить от обилия крови и отрубленной конечности. Их вновь стал бить мелкий мандраж.

– Эх, сосунки, вам бы на бойню в штольне надобно было посмотреть, вот где действительно были реки крови, – но вслух ничего не сказал, а приказал Вике готовить рацию. Она включила и передала микрофон Гиви.

– Дед, это Абрек, диверсионная группа в составе четырех человек уничтожена!

– Что, живые есть? – Наполовину, батона командир!

– Как это наполовину?

– Ай, я же вам говорил, что не умею живых брать. Пришлось, не мешкая, в лёт, отрубить одному руку! Я нечаянно, командир!

– Довезете живым? – Да куда он денется, собачий сын!

Вика восхищенно проговорила, – Командир, а вы действительно Абрек?

– А что, красавица, разве не видно, смотри какой у меня нос и кинжал! Зарэжу любого!

– Командир, а как вы догадались, что это диверсанты?

– Я, что вам всегда говорил, а? Что внимательней надо быть и замечать все мелочи.

Он подошел к одному телу диверсанта и перевернул его лицом вверх, – Смотрите сюда, да не на труп, а на наш орден Красной Звезды, что видите?

– Орден идентичен, как все наши ордена – не видим различий!

– Ваши глаза, а точнее ваши умственные способности никуда не годятся! Гиви снял у себя с груди орден Красной Звезды и положил рядом с поддельным орденом, – Смотрите! Если бы не я, лежать вам сейчас с простреленными головами вместо них. Этот орден – грубая подделка! На настоящем ордене Красной Звезды солдат отображен в сапогах, а здесь? Он в обмотках! К сожалению, в Красной Армии обмотки пока еще не отменили, но уже повсеместно вытесняются кирзовыми сапогами. Как это они еще не изобразили солдата на ордене в лаптях!

– Но ведь было далеко и что, только орден вас смутил, товарищ капитан?

– Когда начался проливной дождь, перешедший в ливень?

– Так минут пятнадцать-двадцать, наверное, назад!

– А, где следы от шин? Что они, на этой оживленной фронтовой дороге, торчали больше часа и никто им не помог? Нет конечно, красавица! Они ждали именно нас, штабных офицеров. Виллис не передвигался по этой проселочной дороге во время дождя, следов от протектора я не увидел, диверсанты сами перевернули автомобиль, еще до дождя и имитировали дорожно-транспортное происшествие, видите, присутствует даже бутафорская кровь. Это говорит об отменной подготовке диверсантов, они не учли одного, что неожиданно начался проливной дождь и, если они перевернулись во время дождя, следы шин обязательно должны были остаться. Еще то, что в автомобиле, на полу у заднего сидения лежала, не закрепленная в положенном месте, канистра с бензином, как она умудрилась не выпасть на дорогу при таком наклоне Виллиса? К тому же, зачем им большой запас бензина, когда можно заправиться в любом мехбате или в полку приписки автомобиля? Чужие они, и ждали они нас где-то здесь, скорее всего – вон там, в редком лесочке.

– Ну вы глазастый командир! Как вы это заметили? А если бы это оказались наши?

– Тогда погоны долой и долго-долго я бы пытался, смыть свой позор кровью в ближайшем штрафбате, если что еще похуже. А, чтобы окончательно убедиться, нам надо обыскать Виллис. После тщательной проверки автомобиля и личных вещей, Вика достала из вещмешка одного из дивер-

сантов четыре красные повязки с надписью «Комендатура». Больше никаких доказательств не требовалось. Это были они!

В своих предположениях Гиви не ошибся и по приезду доложил Деду о прошедшей операции и о действиях каждого офицера в серьезной боевой передрыге. На прощание, он настоятельно рекомендовал лейтенантам никогда не работать в Смерш, отказался от них и отправил опять в Особый отдел фронта, а Викторию оставил, ему понравилось, как она действовала в экстремальной ситуации. Наш человек, а опыт, дело наживное и придет он со временем.

– Что капитан Гегечкори, это далеко не твой друг Влад и не умудренный опытом Иваныч? А про Шульгу и говорить не стоит?

– Нэт, это сырой и жидкий кисель, похожий на недоваренную мамалыгу, они малахольные – штабные, от вида крови впадают в мандраж, но медаль, а может орден, с моей помощью, наверно заработали. Этих четверых я бы сам один убрал, в виде разминки, если бы вы не предупредили, что нужен один живой! А Вика маладэц, э! При этом он, на эмоциях, поднял указательный палец вверх!

– Ладно-ладно – расхрабрился, готовь дырку в кителе для Красной Звезды – заслужил башибузук! Веденеевой тоже кинем Красную Звездочку, на третий номер её правой груди, она это заслужила.

– Ай, командир, зачем мне это, но повеселились мы от-

менно!

– Собирайся, едем в Москву, ты у меня не навечно приписан, пора и честь знать, передам тебя твоему командиру. Веденееву пока не брать, пусть это будет для Шульги сюрпризом. Что-то мне подсказывает, что нам опять придется работать вместе.

По прибытию в Москву Шульга приказал всем оставаться в машине, а сам по витой лестнице стал подниматься в Главное разведывательное управление Генерального штаба Красной армии, ему нужен был пятый отдел диверсий. Но на лестнице его встретили два неизвестных майора и предложили проехать с ними. На все вопросы отвечали, что скоро все узнаете! Его вежливо пригласили в ЗИС-110 с полностью зашторенными окнами и автомобиль тронулся. На немой вопрос Иваныча, он махнул рукой – следуйте за мной. Снова незнакомый адрес и Шульга, по обилию охраны, понял, куда его везут. Опять наверно к Лаврентию Берии, но он ошибся. Они выехали за пределы Москвы и покатали в неизвестном направлении. Это была секретная база ГлавУпра контрразведки Смерш-4, его вызвал сам начальник контрразведки Смерш Министерства Обороны Виктор Абакумов. Следовавший за ними автомобиль с группой остановили на КПП и велели спешиться и дальше идти пешком. Шульгу провели по запутанным лабиринтам коридора и в приемной велели ждать, но ждать пришлось не долго, открылась массивная дубовая дверь и помощник Абакумова пригласил Шуль-

гу войти. В кабинете сидели Абакумов и, как ожидал Шульга, Лаврентий Берия, они что-то между собой оживленно обсуждали.

– Черт, – ругнулся про себя Колыма, – никуда от него мне не скрыться, везде отыщет, где бы я родимый не прятался. Виктор Абакумов, улыбнулся и пошел навстречу Шульге. Только сейчас, он хорошо рассмотрел своего непосредственного начальника и подивился стати этого молодого начальника Главного управления контрразведки «Смерш» НКВД СССР и заместителя народного комиссара обороны. Высокий лоб с залысинами, широкоплечий, сорокапятилетний красавец, его пытливые синие глаза смотрели на Шульгу приветливо и оценивающе, лицо с правильными чертами и пухлыми губами, было абсолютно лишено эмоций. Такие экземпляры мужчин очень нравятся женщинам. Он выгодно отличался мужской фактурой от brutального и обрюзгшего Берии, но был не менее честолюбивым и властным человеком, чем Берия и заслуги Абакумова в успешной работе недавно созданного ГУКР «Смерш» говорили сами за себя, практические результаты деятельности «Смерша» оказались выше, даже, чем у НКГБ и НКВД вместе взятых, что очень не нравилось и Меркулову, и Берии. Но одно обстоятельство, которое существенно укорачивало руки этим двум всемогущим руководителям плаща и кинжала и сводило на нет их подковерные интриги – он был любимчиком Сталина и мог беспрепятственно, без доклада, входить в кабинет Верхов-

ного Главногокомандующего.

– Здравия желаю товарищ генеральный комиссар госбезопасности СССР, – Шульга поприветствовал Берия, а потом и Абакумова.

– Проходи капитан, присаживайся, – Абакумов за руку проводил Шульгу за стол, – так вот ты какой вблизи – гроза диверсионных школ!

– Лаврентий Палыч, а не тот ли это молодой человек, который чуть тебе не сломал ту игру, по внедрению одной интересной особы в политическую среду Европы?

– Виктор Семенович, – глаза Берии зло блеснули, он не спеша снял пенсне, – Кто старое помянет – тому глаз вон! На что Шульга, не сдержавшись, назидательно заметил, – А кто забудет – тому оба! Абакумов мстительно рассмеялся.

– Ты майор, подожди меня обвинять во всех смертных грехах.

Шульга его перебил, – Я пока еще капитан, товарищ генеральный комиссар!

– Уже нет, я, как и обещал, сегодня подписал приказ и присвоил тебе внеочередное звание за те три года, которые ты провел на Колыме. А теперь оставим все обоюдные обиды, война еще не закончилась и нам с тобой надо еще работать и работать. Ты не думай, я тебя позвал сюда не внеочередные звания присваивать и извиняться за те неудобства, которые я тебе создал. Ты прежде всего контрразведчик и контрразведчик неплохой, два ордена на груди говорят сами за себя.

– Я весь внимание товарищ генеральный комиссар.

– Хочу тебе и твоей группе поручить крайне деликатное, но очень опасное задание.

Все, что вы вытворяли в Озерске с Глебовым, мне хорошо известно, но то, что я хочу вам поручить не идет ни в какое сравнение с вашими прошлыми заданиями. Выполнишь с честью – получишь Героя Советского Союза. Шульга поехал.

– Опять в пасть к врагу, опять вы нас будете использовать в темную? Берия засмеялся, встал и позвал помощника Абакумова, – Дорогой, принеси нам вина и фруктов. Помощник кивнул головой и немедленно исчез.

– Не торопись дорогой, я еще не закончил. Появился невзрачный капитан с большим подносом и поставил поднос на маленький столик возле дивана.

– Сергеев, – распорядился Абакумов, – там во внутреннем дворе, ждут своего командира несколько человек, займи их, накрой на стол, принеси вино, мясо и фрукты, но только уведи их от любопытных глаз куда-нибудь, разговор у нас будет долгий и пусть они ни в чем себе не отказывают и вызови-ка сюда полковника Григорьева – это срочно, он сейчас где-то в Москве.

– Слушаюсь товарищ генерал и быстро покинул кабинет.

– Давай-ка майор промочим слегка горло, покушаем и я кое-что тебе расскажу.

Они уселись на диван, Шульга откупорил бутылку белого

вина и разлил по фужерам. Они выпили и принялись есть. Через некоторое время в дверях появился помощник Абакумова. Он бесшумно, по ковру подошел к Берии.

– Лаврентий Павлович, – шепнул он, – Григорьев ждет в приемной.

– Зови и никого к нам не приглашай, мы заняты. Капитан вышел и следом вошел полковник Григорьев. Шульга сидел спиной к двери и не видел вошедшего Деда.

– Разрешите товарищ генеральный комиссар?

– Проходи полковник, узнаешь своего подопечного? Шульга, увидев Григорьева, вскочил и хотел уже обнять его, но Дед предостерегающим жестом остановил его.

– Да Лаврентий Палыч, это мой кадр, но я его не видел четыре месяца, разрешите?

– Валяй, потом присоединяйся к нашему импровизированному столу, нам есть что обсудить. Григорьев и Шульга крепко обнялись, в глазах Деда было крайнее беспокойство. Эта тайная встреча, на таком высоком уровне, не предвещала ничего хорошего, но он ошибся. То, что предложил Берия, было крайне опасной дорогой в один конец и грозило всем неминуемой смертью.

– Товарищи офицеры, то что я вам сейчас расскажу, должно остаться между нами навсегда и это никаким образом не входит в ваши прямые обязанности, но напрямую затрагивает ваше последнее дело в Озерске. Ваше непосредственное начальство, – Берия кивнул в сторону Абакумова, – уже

об этом осведомлено в общих чертах, считайте, что это моя просьба, а это дорогого стоит. И, подражая Сталину, как все грузины, заговорил о себе в третьем лице, – Товарищ Берия никогда с подобными просьбами ни к кому не обращался. Григорьев и Шульга переглянулись, это что-то новенькое, люди такого ранга не умеют просить в принципе – они только требуют и приказывают. Шульга от волнения кинулся вновь разливать вино по фужерам, руки его тряслись, и он никак не мог их унять. Голова начисто отказывалась работать.

Берия начал издалека, при этом он пристально, сквозь пенсне, немигающими глазами, внимательно смотрел на собеседников. Им очень хорошо был знаком этот взгляд.

–Товарищи, на территории Белоруссии находится достаточно мощная немецкая группировка. По нашим оперативным данным численность немецких войск составляет 1,2 млн человек, но и мы создали там достаточно мощный огневой кулак. Немцам будет противостоять войска четырех советских фронтов, которые сейчас находятся на востоке и юге республики. Численность наших войск составляет более двух миллионов человек. Сейчас, чтобы не дать немцам возможности для проведения разведки и установки истинной цели нашего командования, все наши войска отведены, мы делаем вид, что активно переходим к обороне. Запрещены все активные действия на всем участке фронта, чтобы не выдать основные планы нашего командования. Нами принято решение, что основной вспомогательной силой на-

шим войскам, будут белорусские партизаны, которые помогут нам завершить операцию «Багратион» и полностью очистить территорию республики от фашистской нечисти.

Они должны отвлечь на себя, как можно больше солдат и офицеров вермахта. Но не все так радужно и привлекательно, от 80 до 100 тысяч белорусов пошли на сотрудничество с немецким режимом. Главной целью этой коллаборации будет создание «независимой Беларуси». Этого допустить мы никак не можем. В начале 1944 года Ставка верховного главнокомандования начнет подготовку плана по освобождению Белоруссии. Берия подошел к огромной карте на стене.

– Операцию «Багратион» планируем начать несколько позже в середине 1944 года. Общая наша идея заключается в следующем: сокрушить фланги группы немецких армий «Центр» и окружить ее основные силы восточнее Минска. А в результате – полностью освободить территорию Беларуси.

– Товарищ генеральный комиссар, – обратился к Берии Григорьев, – все это хорошо и давно ожидаемо и уже пора начать освобождение Белоруссии, но в чем заключается наша задача, мы не пехота и в окопах воевать не умеем. Берия засмеялся и погрозил пальцем, затем налил в фужер, любимое им вино «Кинзмараули».

– Полковник, я читал ваше донесение по Озерску и то, что там натворили твои ликвидаторы, с лихвой перекрывает многие операции наземных войск. Благодаря вам мы со-

хранили жизни несколькими десятками тысяч солдат. Как пишет в своем докладе Сталину товарищ Абакумов, арест одного вражеского агента равноценен уничтожению, по крайней мере, одной роты противника, а вы разгромили целую школу Абвера и попутно пустили на воздух два моста и два эшелона с вражеской живой силой. А про «Голиафы» я вообще не говорю. Этим хитроумным штукам так и не удалось на Курском направлении, повлиять на ход сражения. Мы были предупреждены вами, и Голиафы наши солдаты попросту загодя расстреляли из ПТР. А теперь главное, зачем я вас сюда пригласил. Григорьев и Шульга притихли, не всегда генеральный комиссар СССР, поручает им задание, минуя их непосредственных начальников.

– Сейчас лучшие представители всех народов мира сжигаются в печах Бухенвальда, задыхаются в газовых камерах Освенцима, забиты до смерти в Майданеке и расстреливаются в Дахау. Не обошло это изуверство и Белоруссию. Сейчас на территории Белоруссии находятся около тридцати временных перевалочных концлагерей. Основная функция лагерей смерти – это ликвидация евреев из всех стран, оккупированных Германией, за исключением Советского Союза, наши советские евреи в основном не доезжают до концлагерей, их убивают на месте. Но стационарных лагерей смерти в Белоруссии мало, в основном, это временные концлагеря у переднего края обороны, создавая их фашисты преследуют сразу несколько целей.

Они выбирают такие места, где ландшафт и природные данные не позволяют осуществить долговременную оборону своих позиций, главное предназначение этих лагерей использовать в качестве живого заслона при наступлении наших армий, нацисты заражают военнопленных и гражданских сыпным тифом и преследуют цель распространить эпидемию в передовых частях РККА, и в дальнейшем сорвать наше предстоящее наступление. Это в основном сборно-пересыльные лагеря, с ужасающими условиями содержания, военнопленные и местное население содержится под открытым небом, без какого-либо укрытия. Существуют они от нескольких недель до нескольких месяцев, потом узников или уничтожают, или перевозят в стационарные концлагеря, которые существуют в Белоруссии с дня начала войны.

Григорьев внимательно осмотрел территорию Белоруссии – он все понял!

– В какую область республики нам предстоит нанести визит?

– В Гомельскую область, она стоит первой на пути наших войск. Хочу добавить, что

перевалочные лагеря в этой области фашисты организовывали еще в середине 1942 года. Сначала эти лагеря состояли из разрозненных групп советских военнопленных, которых они вылавливали по лесам республики, но с каждым днем узников становилось все больше и больше, к ним прибавилось местное гражданское население и порой пленных

размещали в первых попавшихся строениях, на колхозной скотоферме или просто в ветхих амбарах без крыш. Из этих тридцати концлагерей вам нужно будет найти один, где он находится нам пока неизвестно, но то, что нужный человек находится в одном из них нам это доподлинно известно. У Шульги заняло сердце, лишь от одного упоминания слова «лагерь», у него наступал нешуточный озноб. Недавнее прошлое не отпускало его и будет наверно преследовать всю жизнь. Григорьев же, как истинный профессионал, сразу смекнул в чем дело, так как главное слово из этой витиеватой речи он не пропустил.

– Кто это человек и где его искать?

– Где он мы пока не знаем, но точно знаем, что он на территории Белоруссии.

– Как предлагаете нам отыскивать этот лагерь, стучаться в каждые ворота и спрашивать?

– Дополнительную информацию получите позже, мы над этим уже работаем.

– Ну хоть на этом спасибо.

– Вам нужно найти этого человека. Так что вам, в первую очередь, придется обследовать лагерь, где преимущественно содержится гражданское население, я не думаю, что наш человек при задержании, был в военной форме, он, скорее всего переоделся и выдал себя за местного.

– Этот человек владеет немецким языком?

– Не только немецким и вам это хорошо известно Шульга

и в конце концов, научитесь слушать майор! Дайте же мне все изложить все по порядку и без наводящих вопросов.

– Есть, товарищ генеральный комиссар!

– Ну я продолжу с вашего позволения, – Берия сердито свел брови, снял опять пенсне и протер глаза, – А кто этот человек вам не интересно?

Берия, с зловещей улыбкой, впился взглядом в офицеров.

– Не мешало бы изучить его антропологические данные, рост вес, возраст, привычки и другие приметы, свойственные этому человеку.

– Это ни мне, ни вам не нужно, майору Шульге они прекрасно известны и не только это, он знает, как он выглядит, вес, рост и даже, как дышит во время интимной близости.

– Товарищ генеральный комиссар, я не по этому делу – я натурал!

– Поэтому, поэтому, мой дорогой «родственник» по телу, я вас отнюдь, не обвиняю в нетрадиционной ориентации – это хорошо вам известная авантюристка Глория Риччи!

Шульга, сметая все со стола, в замешательстве вскочил и гневно выпалил, – Родственники, твою мать, в тридцать третьем колене, нашим воротам, двоюродный сарай! Григорьев предостерегающе поднял руку, но было поздно.

– Сидеть, – рявкнул Берия, – как вам известно, эмоции плохой советчик для такого опытного контрразведчика как вы.

Шульга без сил упал на диван, – Да сколько же можно?

Когда же навсегда, я забуду это ненавистное имя и долго оно еще будет преследовать меня? Григорьев успокаивающе хлопнул Шульгу по плечу.

– Полноте майор, – успокоил его Григорьев, – полноте, откуда у тебя такая бурная реакция, в тебе бушует разум или неоправданная ревность? Но человек ревнует всегда от большого унижения, а также от того, что его мерзко предали.

– Вот именно, не успел я чуть отойти душой и телом, стал медленно забывать это злосчастное имя и её вероломное предательство, как вот оно, опять, берedit мою душу и сознание. Доколе, это будет продолжаться?

– Майор, – Берия задумчиво вертел в руке карандаш, – В ваших бедах не стоит винить только Глорию, она виновна лишь в том, что необдуманно, выбрала себе в партнеры неутомимого самца из довольно специфического окружения. И это мой промах. Каюсь! Вам не следует забывать главного, что она ваш косвенный коллега. Я в 1938 году, когда вербовал её, обещал ей всяческое содействие и всевозможную поддержку, я своих никогда не бросаю, тем более в такое трудное для неё время. Она талантливый разведчик, принесла своими невероятными действиями много пользы для нашей страны, я просто обязан ей помочь, где бы она не была. Здесь Шульга задумался, а знает ли Берия, что Глория двойной агент? Сказать или не сказать? И он решился, может это послужит весомой причиной для отмены этого опасного задания.

– Товарищ генеральный комиссар, а знаете ли вы, что Глория была двойным агентом?

Берия улыбнулся и с укором пожурил Шульгу, – Вы довольно неосведомленный человек майор! Конечно я об этом знал, еще с 1938-го года. С этим расчетом и строилась такая замысловатая операция по внедрению Глории в политическую и военную элиту Европы, но нам это не только не навредило, а наоборот, в некоторых случаях, даже помогло. Шульга еще раз убедился в дальновидности Берии. Силен – слов нет!

– Хорошо, а мы тут причем? – Вы майор, единственный, кроме меня, хорошо знаете её лично. Все, кто знал её кроме нас, погибли на полях сражений или в застенках гестапо, но никто её не выдал. В живых осталась только её радист старший лейтенант Тамара Селиверстова, но где она сейчас мы не знаем.

– Её знает в лицо вся моя группа. Мы её лично сажали в прибывший за ней самолет.

– Тем лучше, но не пошлю же я твою группу без вас, так что оставим эти ненужные разговоры и начинайте готовиться к рейду.

– Полковник, – Берия обратился к Григорьеву, – вам эта группа хорошо известна, вы назначаетесь куратором и принимайте её под свое командование. Соответствующие документы уже приготовлены. Заберете всю группу, отправляйтесь к месту вашей службы и переместитесь поближе к ли-

нии фронта. О ней никто не должен знать. Контакты с местным командованием свести к минимуму и с погон прикажите снять у каждого по одной звезде – так будет меньше вопросов у окружающих

– Как она попала в Белоруссию, да еще в концлагерь, ведь её целью была Румыния?

– Это нам не известно и вам предстоит выкрасть её из этого перевалочного концлагеря! Я не думаю, что немецкая контрразведка знает кто она такая, иначе она давно уже была бы в Берлине, в лапах шефа гестапо группенфюрера Генриха Мюллера.

– Сменить свой антураж ей не трудно, эта белокурая бес-тия знает несколько иностранных языков и умеет талантливо перевоплощаться, – на автомате произнес Шульга. И только тут до них начало доходить то, что сказал Берия.

– Что, из концлагеря? – Григорьев и Шульга проговорили это одновременно.

– Еще никто, до настоящего времени, не крал людей из таких мест. Вы будете первыми, все, что для этого необходимо вы получите, подлинные немецкие документы, форму, снаряжение и сами будете формировать свою группу.

– Это же невозможно! Мы и на выстрел не подойдем к лагерю, как нас расстреляют из пулеметов или, что хуже, всех выловят и мы составим достойную компанию Глории. Там же не просто охрана, там отборные полицейские отряды СС «Мертвая голова», натасканные годами мучить и убивать

людей, да и в группе у меня есть бойцы, обладающие отнюдь не арийской внешностью. Так что на территорию концлагеря нам незаметно проникнуть не удастся.

– Ну вы тоже не все имеете характерную внешность населения Кавказа, – намекнул Берия на Гиви, – хватит прибедняться, к тому же мы наделим вас очень большими полномочиями, в вашем распоряжении будет большой партизанский отряд. Распоряжайтесь отрядом, как посчитаете нужным. Выделим самое современное оружие и боеприпасы. Попутно обучите их новому взрывному делу, диверсионной и сыскной работе. Не скрываю, это будет очень трудная операция.

– Какова будет численность группы?

– Это на ваше усмотрение, вам придется лезть в пасть к этому смертельному врагу. Одно могу посоветовать, немецким и другими языками Европы, должна владеть добрая половина вашей группы.

– Можно подключить к этому Внешнюю разведку и Штаб партизанского движения?

– Да хоть черта лысого, повторяю, у вас будут огромные полномочия, я дал уже указания по своей линии моему помощнику Кобулову и соответствующие указания дал Абакумов по вашему ведомству. Вам не об этом сейчас надо думать, а думать, как без происшествий и незаметно, десантироваться с самолета над предполагаемым районом в Белоруссии. Пройти незаметно через линию фронта сейчас будет

очень сложно, и мы решили вас закинуть в Белоруссию самолетом! Сначала вы будете переброшены в районный центр Комарин Гомельской области, это первый районного центра Беларуси, который мы освободили 23 сентября. И отсюда мы начнем завершающую наступательную операцию советских войск после Курской битвы и это будет началом операции «Багратион» по освобождению Беларуси. Потом вас перебросят дальше на западную границу Гомельской и Брестской областей. На северо-западе она граничит с Могилевской областью. Лагерь находится где-то в этом районе.

– В моей группе не все умеют управляться с парашютом и никогда не прыгали с самолета ночью.

– Вот этим вы и займитесь, у вас на все про все десять дней!

– Товарищ генеральный комиссар, есть просьба, нам нужны три современные дальнобойные радиостанции и конечно соответствующая экипировка.

– Все, что вы затребуете, получите у начальника тыла наших войск генерала Вяземского. Ему даны строгие соответствующие указания. Все товарищи, вы у меня не одни, мне надо работать! Григорьев и Шульга, козырнув, вышли из кабинета. Подошедший капитан проводил их в соседнее здание, где отдыхала вся группа.

Шульга попридержал Григорьева, – Дед, а это необычное задание, как согласуется с нашими прямыми обязанностями? Наш непосредственный начальник Абакумов почему-то

не проронил ни слова? Они видимо предварительно уже обговорили об этом, прямо скажем – «личном» задании Берии?

– Скорее всего они между собой все решили до нас, и скажу тебе прямо, Берия, после образования Смерш, невзлюбил Абакумова и старается всеми способами подставить его. Абакумов отобрал у него огромный кусок власти, а этого не прощают. И откажись Абакумов от этого предложения, Берия заполучит еще один компрометирующий козырь в свою копилку. Он найдет способ, чтобы подать это Сталину в выгодном для себя свете. Друг мой – большие звезды и высшая власть, это волчья стая, которая всегда по-своему воет и ведет себя по-волчьи. И нам следует от этого держаться подальше, надеюсь не забыл и помнишь из классики: «Баре дерутся, а у холопов чубы трещат? – О, да! На своей шкуре испытал я это поганый афоризм.

– Товарищ полковник! – на выходе из здания их нагнал помощник Абакумова, – Вам прямой письменный приказ от комиссара второго ранга, – он сунул несколько листов в руки Григорьева и удалился. Дед пробежал глазами текст, хмыкнул и передал приказ, Шульге.

– Вот держи, на мой взгляд, довольно дельное предложение. Приказал усилить твою группу до двенадцати человек, людей будешь подбирать сам, кроме вот этих троих, – он передал Шульге еще один лист со списком фамилий. Колыма бегло просмотрел список.

– О!.. Соболев и его люди! Этих я возьму, дюже злые они

на фрицев за свое пленение в Озерске, а остальных буду жестко экзаменовать. Пусть не обессудят! Дилетанты в группе мне не нужны. Это еще не все, вот к тебе направляют двух девушек.

– Что? За что мне такое наказание, мне хватает одной девушки, которая не по-детски выносит мне мозг!

– Не торопись, их рекомендует к тебе в группу сам полковник Глебов, знаешь такого?

– Ну, если сам Испанец рекомендует, видно действительно настоящие оторвы, но проверки они тоже не избегут и проверю я их лично! Спуску никому не дам!

–И еще есть одна девушка, её рекомендует наш Абрек.

–Кстати, как от там у вас? Мне стало известно, что вы его тайком отозвали из Грузии.

– Нормально, недавно я написал представление на Красную Звездочку за уничтожение диверсионной группы. Лейтенант Веденеева вам пригодится водит автотранспорт, как заправский автоспортсмен, стреляет прилично и неплохая радистка.

– Зная Гиви, который не пропустит ни одной юбки, смотреть эту девушку поручу Иванычу, стрелки это по его части. В этой миссии Раечке видно не придется стрелять.

– Твое право. Вот предписание начальнику тыла фронта подписанное Берией и Абакумовым. Малейшая волокита или отказ – сразу суйте под нос эту бумаженцию, подпись Берии знают все и все знают, что их может ждать, в

случае невыполнения прямого приказа генерального комиссара СССР! Влад и Иваныч увидев Григорьева радостно загалдели, а Раечка даже расщедрилась и подбежав, обняла и поцеловала в щеку. Умудренный опытом Иваныч сразу заметил, как изменилось лицо командира после аудиенции – что-то случилось и это из ряда выходящее. Шульга устало опустил на стул и неожиданно громко выругался, – Тьфу, окаянный, чтоб тебя черти на том свете кочергами, припекали. Повисла тревожная пауза, все ждали объяснений от своего командира. Наконец Шульга собрался с мыслями и переглянувшись с Григорьевым выдал, то что никто не ожидал, – Друзья, что вы знаете о немецких концлагерях? Все ошарашено уставились на своего командира. Выручил Григорьев.

– Офицеры, прошу внимание! Нам необходимо чуток реорганизоваться, задание у нас серьезное и требует соответственного к нему отношения. На все про все, у нас всего десять дней!

– Прошу товарищ майор! – пряча улыбку, обратился Григорьев к Шульге.

Вся группа принялась радостно поздравлять своего командира.

– Что командир, вы майором стали? Как так? Почему мы не знаем? Гиви от избытка чувств чуть в пляс не пустился. Но радость была недолгой, все вдруг поняли, что поздравлять командира преждевременно, внеочередные звания просто так не дают.

Любознательный Влад, поднял глаза на Шульгу, – Что за задание, командир?

– Повремени Минер, всему свое время, вы еще не готовы. Узнаете со временем.

– Теперь главное, кто из вас знаком с парашютом и прыгал ли ночью с самолета?

– Я знакома, – Раечка подняла руку, – но только с аэростата и днем, с самолета не приходилось.

– А разве не один ли это черт?

– Нет, аэростат при прыжке не двигается с сумасшедшей скоростью, как самолет – он висит на месте.

– Да... не знал, но общие понятие имеете? – Да имею!

– Прекрасно, кто еще, кроме меня и Влада и Гиви? Понятно, будем учиться, нам отпущено на это очень мало времени, так что нам следует поторопиться.

– Иваныч, тебе необходимо сформировать группу прикрытия из 4 человек, включая тебя, два отменных пулеметчика и радист, людей подбирай на свое усмотрение, но один должен разбираться в минном деле и желательно подобрать человека, владеющего немецким языком. В твоём распоряжении вся 50-я армия, под командованием генерал-лейтенанта Болдина, которая дислоцируется в нашем районе. Генерал-лейтенанту уже даны соответствующие указания.

– Влад, в том месте, куда мы направляемся мин натыкано больше, чем проживающих там, местных жителей, так что тебе приказываю создать мобильную группу минеров из че-

тырех человек и одного пулеметчика, включая тебя, ваше хозяйство довольно объемное, опасное и тяжелое, к вам будет прикреплен Студебеккер с водителем, который по совместительству должен быть отменным пулеметчиком. В случае десантирования с самолета приобретете несколько подвод с лошадьми. Итого у тебя под началом будет 3 человека.

– Теперь с вами старший лейтенант Симонова. По всему, наш маленький отряд будет состоять из трех групп. Прикрытие – командир капитан Морозов, минеры – командир группы капитан Денисов и ударная группа, которую я возглавляю лично. Вы лично входите в мою группу. Проследите, чтобы в каждой группе был человек владеющий немецким языком. Твоя задача Раечка, подобрать и передать в каждую группу толкового радиста.

– Женщин или мужчин? – Разницы не вижу, но радистки должны быть под стать тебе. Немецкий знать не обязательно, но приветствуется, стрелять, как Иваныч, вражеские морды бить, как Гиви и не бояться крови, кисейных барышень не потерплю и выгоню к чертовой матери. Все товарищи, расходимся и приступаем к формированию групп.

– Товарищ Симонова, Раечка – Григорьев придержал Раечку за рукав гимнастерки, – в вашем деле я смогу чуток упростить задачу, есть у меня на примете две отъявленные амазонки, которые полезут хоть к черту на рога, хоть в пекло к дьяволу. Скоро они придут сюда.

– Гегечкори, Гиви, тебя тоже попрошу задержаться.

– Абрек, тыходишь в мою ударную группу, самая ответственная «грязь» операции ляжет на нас и ввиду перехода Иваныча в группу прикрытия, тебе необходимо подобрать еще двух человек, один должен владеть немецким, как родным. Экзаменовать на знание немецкого буду я или Раечка. Ты знаешь, что делать и какими должны быть эти бойцы Короче – такие как ты! Ступай и найди мне таких людей. Ошибешься – жестко спрошу с тебя. Есть у меня одна дерзкая мыслишка, но об этом потом, – Выполняй!

– Есть командир, – разреши я приглашу в группу свою девушку, с которой я работал у Григорьева? – Я все сказал – ответственность за своих людей, несешь только ты!

Гиви бесшумными шагами удалился. Присутствующий при этом Григорьев засомневался, – Колыма, а не слишком ли Абакумов разошелся, такую толпу из двенадцати человек нелегко будет переправить и спрятать в лесу.

– Вся группа будет не всегда задействована в полном составе, только на заключительной фазе операции, к тому же мы будем базироваться в партизанском отряде, а там всем места хватит. Да и командир отряда будет рад таким воякам. Партизаны – это не регулярные войска Красной Армии, им дополнительное обучение военным специальностям не помешает, я, краем уха слышал, что все партизанские соединения в республике, после освобождения Белоруссии, волются в действующие армии по разным фронтам. Это так?

– Хм...это секретная информация и пока держи рот на

замке, если эта информация утечет не в те уши, то основательной чистки партизан нам не избежать. Они постараются все партизанские соединения наводнить своими спящими агентами.

– Я это знаю и пока ничего не говорю своей группе! И вот еще что, товарищ полковник, вы представляете, как это будет выглядеть в действительности освобождение Глории Риччи? Что, мы полезем в это пекло, чтобы только её выручать? Нет, так не получится, придется освободить весь лагерь, а для этого я и хочу в группу пригласить преимущественно хороших пулеметчиков, стрелков и минеров. Немцы не дураки у них там пулеметов напичкано через каждые 50 метров, вот и посмотрим чей пулемет будет разговорчивее. Косить кинжальным огнем придется всех подряд, не взирая на личности. Конечно мы не пойдем освобождать узников без поддержки местных партизан. Ослабленной голодом и болезнями, на грани безумия огромной толпой людей, надо будет как-то управлять и организовано вывести из лагеря и провести через минные проходы, которые группа Денисова Влада проделает загодя.

– Ты командир и тебе решать. Пойду звонить Глебову, пусть подготовит девчонок, эти амазонки под его началом, завтра я их привезу.

– Как он там, Дед? – Не зазнался ли, получив полковника?

– Да нет, твой друг держится молодцом, а хочешь, вместе поедем?

– С превеликим удовольствием!

Глава третья

Испанец бесцельно, уже минут десять, вертел карандаш в руках, у него не выходил из головы вопрос, зачем Григорьеву понадобились две его девушки, которых он с таким трудом подобрал из огромного количества контрразведчиков фронта. О том, что Шульга с группой уже в Москве он не знал и никак не мог объяснить себе просьбу Деда. Все это неспроста, что-то намечается, но он не мог и предположить, что в этом событии основная роль отведена его лучшему другу.

– Товарищ полковник, разрешите обратиться, вас там два незнакомых офицера спрашивают, – обратился к нему вошедший сержант из караульной службы.

– Кто же это может быть, – раздумывал Испанец, выходя из своего блиндажа, – офицеров штаба и особого отдела Н-ской армии я всех знаю в лицо. На скамейке, сооруженной из старых автобусных кресел, сидели к нему спиной два офицера и читали газету «Красная звезда».

– Товарищи офицеры, не вы ли меня ищете? Дед и Колыма одновременно повернулись и тут же вскочили, – Вы посмотрите на него, он не узнал своих однополчан! Неужели мы за четыре месяца так безнадежно постарели?

– Господи, Дед, вы как тут оказались? Каким ветром вас сюда занесло?

– А ты засранец, почему не написал, что был у моих и не

сообщил, что твой отпуск закончен и ты прибыл на службу? Они все трое крепко обнялись и пошли в Особый отдел армии, где Испанец был начальником. Он быстро наказал ординарцу притащить немудреную закуску, из тумбочки стола достал армейскую фляжку и разлил спирт по жестяным кружкам, а личному ординарцу приказал никого к нему не пускать.

– За встречу дорогие друзья, но предполагаю, что вы приехали сюда не спиртное пить со старинным другом, а по делу – выкладываете!

– Не все сразу Сергей, дай нам собраться с мыслями. Они выпили и принялись за американскую тушенку с салом. Наконец Григорьев отложил ложку.

– Ты нам нужен Испанец, без тебя никак у нас не получится сформировать группу для одного щекотливого задания. Это задание исходит от людей с очень большими звездами и отказ от него абсолютно не предусмотрен никаким уставом.

– Сдается мне друзья, что по старой памяти, великий и ужасный Берия опять приложил руку и поручил вам довольно сумасшедшее задание?

– И не только, наш Абакумов тоже к этому руку приложил!

– Что, эти пауки никак не оставят вас в покое? А как же Абакумов, разве он не замолвил словечко в вашу поддержку? Он же свой?

– Друг мой, не считай каракурта прелестнее скорпиона,

оба они – смертельны!

– Даже так? Понятно! И что за подлые дела потребовали моих презренных навыков?

– Испанец, ты в своем репертуаре!

– Нам нужны твои две девчонки, мы отбираем в группу Шульги довольно опытных оперативников, обладающих высокой огневой подготовкой и великолепной реакцией.

Нужны еще семь-восемь человек для заброски в район Гомельской области с самолета. Подумай, кто еще, на твое усмотрение, может быть достойным кандидатом? У нас всего неделя!

– А кто это сказал, что я Ксюшку и Марийку вам отдам? Григорьев нехотя сунул ему бумагу за подписью Бери и Абакумова, Испанец внимательно прочитал предписание и положил на стол.

– Серьезная бумаженция, многие затрясутся, увидев её, но только не я. Хочу с вами и только на таких условиях, я отдам вам девушек и только вместе со мною! И баста!

– Ты это брось, полковник, – рассердился Григорьев, – не забыл, что уже давно кончился тот бесшабашный и дерзкий Испанец, который лез в самое пекло в Озерске? Не забыл, какие у тебя на плечах сейчас звезды и какую должность ты занимаешь? Ты сейчас сам себе не хозяин и мы не можем тебя взять с собой.

Категоричность Деда решил несколько сгладить Шульга, – Ты же еще не знаешь в чем суть задания, нас наверняка там

ждет неминуемая смерть, а у тебя растут две очаровательные девчушки и им нужен отец!

– У них есть прекрасная мать, которая заменит им непутевого отца.

– Ну что ты с ним будешь делать, а! Ты представляешь объем работ, которую нам придется выполнить, включив тебя в группу, все предварительные наметки плана придется переделывать и выходить с просьбой к командующему Белорусским фронтом генералу армии Рокоссовскому, ты птица высокого полета и тебя так просто не отпустят в канун наступления на Гомельско-Речицком направлении.

– У вас есть всемогущая бумага за подписью наркома Берии, а со Смерш вообще никто предпочитает не связываться, вам и карты в руки. Григорьев, как начальник особого отдела фронта по должности был выше Глебова, хоть и были они в одном воинском звании, перечить не стал, это совершенно бесполезно с такими, как Глебов.

– Хорошо, я попробую решить это вопрос, но тебе придется, в целях маскировки, снять с погон на время пару больших звездочек.

– Да хотите, я вам все их задарю и пойду рядовым! Григорьев обращаясь к Шульге, развел руками и обреченно произнес, – В этом весь Испанец! И тут же отругал Глебова, – Молчи балбес неугомонный, в штрафбат захотел? Все рассмеялись и пошли смотреть девушек. По дороге Испанец рассказал о двух братьях-близнецах, которых он заприметил в од-

ном из полков 70 дивизии и о их невероятной технике рукопашного боя.

– Вчера, инспектируя оперативников Смерш в 70 дивизии 14 армии, я невольно обратил внимание на двух офицеров, которые сошлись в тренировочной рукопашной схватке на поляне в окружении восторженных зрителей. Что эти двое вытворяли двумя привязанными к друг другу деревянными палочкам, это надо было видеть. Два брата-близнеца, смуглолицые, узкоглазые, жилистые, крутили этими штука-ми так, что вокруг их образовывался круг мелькающих с огромной скоростью деревянных палочек. К ним невозможно было подойти с любой стороны.

При этом, они оба не стояли на месте, а в невероятных кульбитах прыгали вокруг друг друга, ноги в подкатах мелькали не хуже этих палочек, а странные подсечки ногами удивляли всех, при этом они наносили друг другу имитационные удары по всему телу. Зрители одобрительно хлопали и подбадривали братьев. Я остановился и стал с интересом наблюдать. Наконец они поклонились друг другу, обнялись и засунув палочки в голенища яловых сапог, уставшие присели на траву.

– Так, – решил Григорьев, – девчата от нас никуда не денутся их мы посмотрим позже, а сейчас веди нас к этим бойцам. Увидев подошедших офицеров, братья вскочили и поприветствовали старшего по званию. Григорьев решил с ними поближе познакомиться.

– Бойцы, ко мне! Представьтесь, кто такие и откуда.

– Лейтенанты Аршан и Бадма Цеденовы!

– Калмыки? Seriously? – тревогой спросил Григорьев.

– Мама у нас калмычка, а отец русский, только мы не из Калмыкии – мы калмыки-сарты, малочисленный народ Киргизии, который много лет проживает на востоке Иссык-Кульской области. Григорьев отозвал Шульгу в сторонку.

– Шульга, ты серьезно хочешь их взять в группу?

– А почему бы нет? Парни крепкие, ловкие и подрались не дураки.

– А ты знаешь о том, что в ходе летнего наступления 1942 года была оккупирована почти вся Калмыцкая АССР?

– У нас, помимо Калмыкии, пол страны оккупировано, ну и что?

– А то, что около десяти тысяч калмыков перешло на услужение к немцам и даже сформирована Калмыцкая кавалерийская дивизия? Весной этого года, когда вы были в Озерске, я, будучи на совещании фронтовых отделов Смерш НКО в Москве, слышал очень нелицеприятные разговоры о калмыках. Якобы сформированная из калмыков 110-й отдельная кавалерийская дивизия РККА воюет на фронте из рук вон плохо, многочисленные переходы к немцам, неподчинение, дезертирство, мародерство, вот то малое, что я слышал в Москве.

– И что? В Калмыкии проживают около ста сорока тысяч калмыков и что, все они предатели?

– Нет конечно, многие калмыки в Красной Армии воюют очень храбро и достойно, но как бы этих людей не постигла та же участь, как некоторых бедолаг из национальных меньшинств нашей страны. К счастью, доля калмыков, избравших путь предательства, не такая уж большая и оценивается приблизительно в несколько тысяч человек. Но поберегись, ты знаешь, чем это приобретение может закончиться для тебя самого? Знаешь, кто главный инициатор большинства депортаций в СССР?

– Естественно – мой крестник, генеральный комиссар внутренних дел СССР Лаврентий Берия!

– Помни об этом Шульга! Второй раз тебе не удастся выпутаться.

– Посмотрим, здесь война, а на войне есть только одна политическая идеология – побыстрее разбить врага, а кто и какой национальности, мне по барабану.

– Ладно, что-нибудь придумаем, в крайнем случае сойдут за казахов – физиономии у них уж очень похожи.

– Вот и подстели заранее соломку – запиши их в красноармейских книжках, как казахов, а я с ними позже переговорю!

– Смотри Шульга – твои нары еще не остыли и помнят тепло твоего тела!

– Типун тебе на язык командир! У меня есть еще право на выбор?

– Да, Колыма, право у тебя такое есть, но резервов очень

немного, если уж мы приняли решение дополнительно при-
дать твоей группе людей под стать тебе или твоей группе,
то сделать это будет не просто – выбирать тебе разрешено
не только из кадровых контрразведчиков Смерш, но и из
штрафных рот, из осужденных на длительные сроки по по-
литическим статьям. В этой среде не принято спрашивать о
прошлом, но уверяю тебя, оно у каждого довольно бурное и
не отвечает общепринятому поведению в обществе. Григо-
рьев был противником существовавшего закона о том, что
согласие военнопленного на сотрудничество с немецкой раз-
ведкой уже само по себе является изменой. И по мере воз-
можности он освобождал явившихся с повинной от уголов-
ного наказания, существенно изменяя их показания. Он про-
сто не составлял на таких людей соответствующие докумен-
ты, а сразу готовил их к переброске назад к немцам. Но с
калмыками это вопрос особый, как бы не заслужить обвине-
ние в политической близорукости и лояльности к врагам на-
рода.

Тут не стерпел уже Испанец, – Колыма, я не пойму, на
нарах чалился ты, или я?

– Ну что же, тогда вперед под трибунал!

– Господи, действительно, кому я это говорю, такому же
контуженному на голову, как они. Смотри не ошибись, там,
куда ты отправишься, проверять на лояльность и предан-
ность будет некогда.

– Я? А ты что с нами уже не идешь?

– Есть у меня одна мыслишка, хочу повернуть такой же финт, как в Озерске.

– А про то, что дважды снаряд в одну воронку не падает, тебе доподлинно известно?

– Но ведь, тот который это знает, сейчас где-то в застенках нашей контрразведки и благодарит Бога, что жив остался.

– Ты о майоре Линке?

– Ну конечно! А значит, можно повернуть это еще раз.

– Подумай Серега, рискованно все это! Как бы потом нам не пришлось тебя освобождать, как группу Соболева. Они вернулись к братьям.

– Значит сарты, – продолжил Григорьев, – и кто есть, кто? Вас же не различить! Лейтенант с орденом Красной Звезды назвался Аршаном, он был старше брата на десять минут, а с орденом Отечественной войны второй степени назвался Бадмой.

– Где научились так палками вертеть и не менее искусно бить морды?

– Наш отец много лет был военным атташе в Японии, с дня установления дипломатических отношений между СССР и Японией в 1925 году и до вхождения Японии в Тройственный пакт с Германией в 1940 году, там и научились.

– Понятно, где службу несете?

– В дивизионной разведке N-ской армии.

– Бойцы, есть у меня к вам одно предложение, вы парни уже с опытом и орденосцы, так что у вас есть возможность

продолжите службу в другом месте.

– Что от нас требуется, товарищ полковник?

– Вам придется показать свое умение и сойтись в тренировочном бою вот с этим майором, продержитесь пять минут – вы приняты, но сначала покрутите своим палочками и вообще, покажите, что вы умеете. Шульга, Григорьев и Глебов уселись на траву и внимательно смотрели на выступление братьев. Григорьев смотрел с интересом, Шульга же, уже встречал в школе «Игла» подобных мастеров, но те дяденьки были в годах, а этим братьям едва ли стукнуло 25 лет. Он знал несколько приемов обороны от нунчаку, но считал, что в драке нунчаку только мешают, они очень отлично развивают моторику рук и хорошо сотрясают заменитель мозгов у не в меру зарвавшихся хулиганов и не больше. Главный плюс нунчаку – любой удар по голове или конечностям выводит из строя соответственно голову или конечности, на долгое время. Зачастую, с голыми руками на нунчаку идти почти бесполезно, лучше вспомнить первый прием самбо – "дай бог ноги" А минус нунчаку – нужно всегда держать противника на расстоянии, а это не всегда получается. После выступления братьев, Дед попросил эти палки и внимательно осмотрел, ничего необычного, две палочки из мореного дуба в виде вытянутого конуса и скрепленные между собой тонкой цепочкой.

– Как эти штуки называются? – Нунчаку!

– Да, ребята, рукопашники вы серьезные, но этого мало,

а как с огневой подготовкой, выносливостью и психомоторикой? Там, куда мы отправимся эту технику боя можно будет применять не всегда. Придется вас проверить по полной программе.

Колыма скептически заметил, – Согласен, против неподготовленных противников нунчаку очень эффективны, но как быть с подготовленным?

– Понятно, – Григорьев, развел руки и резко свел, – Шульга, твой выход! Смотрите не покалечьте друг друга, никаких удушающих или болевых приемов и без серьезных увечий. Вы мне нужны в целостности и сохранности. Но все пришлось отложить, так как прибежал посыльный от командующего армией и срочно приказал явиться Глебову в штаб армии. Все трое поспешили в штаб.

– Здравия желаем товарищ генерал-лейтенант, все трое ввалились в добротный дом расположенный на окраине села. Моложавый генерал, поднялся со стула и внимательно стал разглядывать вошедших. Шульга сразу заметил спартанскую обстановку, ничего лишнего в комнате не было, три стола, где на одном разлегалась большая карта Белоруссии, где местность Речицкого района был обведена красным карандашом, на втором столе в углу сидели два радиста, один стол занял начальник штаба армии и вокруг столов стояло несколько стульев. Все!

– Кто такие, представьтесь, – генерал-лейтенант строго смотрел на Григорьева и Шульгу, им сразу стало заметно,

как устал генерал, синие круги под глазами, нездоровый цвет кожи и трясущие руки, говорили о хроническом недосыпе.

– Начальник Особого отдела фронта полковник Григорьев.

– Командир особой группы Смерш-4 майор Шульга. Генерал внимательно изучил удостоверения офицеров и довольный вернул их.

– Вот как, на ловца и зверь бежит, я послал посыльного за полковником Глебовым, чтобы он разыскал вас, а тут вы сами явились, что же приступим товарищи.

– А вы, что, уже знаете, что мы здесь, товарищ генерал?

– Я знаю все, что творится у меня в армии. Проходите товарищи, присаживайтесь.

– Прохоров, – крикнул он помощника, давай сюда этого перебежчика из Речицкого района. Дед и Шульга переглянулись, это тот район куда им следовало отправиться. Интересно будет его послушать.

– Сегодня ночью к нам через линию фронта перешел партизан из отряда «Родина», утверждает, что до войны работал вторым секретарем компартии Речицкого района, а сейчас руководит городским подпольем, организовал разветвлённую сеть разведчиков, находящихся на службе у немцев и имеет связь с несколькими партизанскими отрядами по всему Полесью.

– Мы отправили запрос в Москву в Центральный штаб партизанского движения, чтобы проверить его полномочия

и идентифицировать личность, он ли это на самом деле, а пока мы его держим под конвоем. Интересные вещи он рассказывает, скажу я вам, это может пригодиться и вам необходимо его послушать. И как бы упреждая все расспросы, он тихо проговорил, – Командующий фронтом мне уже сообщил о вашей миссии, так что не удивляйтесь моей осведомленности!

– Разрешите войти товарищ генерал, – вошли два автоматчика и высокий мужчина средних лет, – Проходите товарищ Бурмистров, вот офицеры прибыли по вашу душу и хотят задать вам несколько вопросов, надеюсь, вы не против?

– Конечно товарищ генерал, пусть задают, но только пусть поторопятся, сегодня ночью мне надобно быть уже в партизанском отряде. Надеюсь вы уже пробили мою личность в Штабе партизанского движения?

– Пока нет, ждем ответ из Москвы.

– Представьтесь пожалуйста, – Дед решил не тянуть и приступил сразу к делу.

– Виктор Иванович Бурмистров, второй секретарь Речицкого райкома партии в подполье, а по совместительству координатор партизанского движения в Гомельской области.

– Что вы можете сказать о сборно-пересыльных лагерях в вашей области?

– Странный вопрос, вы не находите?

– Отвечайте по существу заданного вопроса, – это уже Шульга подал голос, – нам нужны сведения, о расположении

перевалочных концлагерей в вашей области.

– Какие сведения вам нужны? Местоположение концлагерей, численность узников, кто охраняет, что конкретно?

– В целях конспирации, я пока не имею права говорить, но по мере поступления информации я постараюсь полностью вас информировать.

– На территории области существует до 20 лагерей для русских военнопленных, в которых томятся несколько тысяч военнослужащих Красной Армии и местного населения. Концлагерем, в прямом смысле этого слова, их можно назвать с большой натяжкой. Устройство этих лагерей, их аппарат управления, упрощен до невозможности. Практически нигде нет учета пленников, узники не имеют ни специальной одежды, ни знаков различия. Однако внутренний режим лагерей не менее жесток и беспощаден, чем в стационарных лагерях. Это не лагеря уничтожения, а сборно-пересыльные лагеря. В одном лагере содержатся местные жители за связь с партизанами, лица, уклонявшиеся от трудовой повинности, а также семьи партизан. В других только военнопленные. Если мы не поторопимся, то их ждет незавидная участь. Всех их переправят в Малый Тростенец, а это верная смерть в крематориях или в газовых мобильных душегубках.

– Кто руководит этими тремя лагерями и в чьем подчинении они находятся?

– Лагеря в нашем районе имеют разную подчиненность: войскам СС, органам СД, Вермахту, а также местным орга-

нам гражданского управления. Суть их от этого не меняется. Большая их часть находится в ведении СС, а значит методы массового уничтожения людей у всех одинаковы.

Раздался стук в дверь и вошел офицер связи, – Из Москвы товарищ генерал, по поводу, он кивнул в сторону Бурмистрова и, козырнув, вышел.

– Все в порядке товарищи Бурмистров, Москва подтвердила ваши полномочия и идентифицировала вашу личность. Генерал махнул рукой автоматчикам, они тихо ретировались.

– И все-таки, товарищ... вот что, давайте-ка общаться без званий и имен, а по оперативным или подпольным именам, так нам будет проще, я – Дед, он – Колыма, а это – Испанец, а вы?

– С 1941 года я товарищ Потап!

– Скажите товарищ Потап, кто над этими лагерями стоит – кто руководит?

– Об этом иуде я вам могу многое рассказать, он уже два года пытается меня поймать, но безрезультатно. Даже назначил премию в рейхсмарках. В деревне Крестцы находится довольно большой лагерь по уничтожению военнопленных и гражданского населения, там же находится две роты СС, основная комендатура, комендантом которого является оберштурмбанфюрер СС Отто Золингер до этого возглавлявший полевую полицию безопасности Гомеля. Сын владельца недвижимости в Бамберге, владельца крепости Альтенбург,

что в Баварии, Отто Золингер родился в 1910 году, образование получил в элитном кадетском корпусе и едва закончив школу добровольцем вступил в «Оберланд» – одно из многих объединений молодежи с реваншистскими настроениями. После окончания офицерского училища в 1934 году получил звание унтерштурмфюрера по-нашему лейтенанта, а с июля 1940 года – в звании гауптштурмфюрера, это что-то вроде нашего капитана, был командиром разведывательного батальона, в конце 1942-го года произведён в звание оберштурмбаннфюрера СС, по-нашему подполковник, был награжден лично фюрером Рыцарским крестом с дубовыми листьями и мечами. В 1943 году был награждён Золотым немецким крестом, отличался крайне независимым характером и демонстративно держался в стороне от политики имел склонность к авантюрным действиям, даже без какой-либо санкции вышестоящего командования. Но конкретно в области организации концлагерей Золингер был дилетантом и мало что понимал в этих делах, но совсем скоро он быстро вник в курс дела и взял под свой полный контроль несколько временных лагерей. Этот эсэсовский начальник считал, что лечить советских военнопленных – непозволительное головотяпство и преступление перед немецкими солдатами на фронте.

– Для полноты политического портрета оберштурмбаннфюрера Золингера нужно прибавить к описанному, что он питает патологическую ненависть к нашей стране, страшится

повторения революционных потрясений в Германии в случае поражения Гитлера в войне. Возглавляемый и направляемый им на протяжении нескольких лет батальон СС был эталоном агрессии и насилия. Этот «радетель справедливости», направил Гиммлеру докладную записку, в которой обращает его внимание на произвол в лагерях, голод, массовые расстрелы и не потому, что ему их было искренне жаль, его беспокоило другое: нечеловеческое отношение к узникам обязательно приведет к усилению сопротивления, как пленных партизан, так и других военнопленных, которые частенько станут вместо пленения, предпочитать смерть. Это товарищи, умный и серьезный противник. Раньше долго пленных там не держали, нет условий массового уничтожения и через месяц-два их отправляют в Малый Тростянец. Но сейчас приноровились и сами стали сотнями сжигать полумертвых людей. Роют огромные рвы, перекладывают трупы бревнами и поджигают. Смрад стоит по всему району. Эти три временных лагеря под управлением Золингера перешли под полный контроль СС, Вермахту, кроме Абвера, никогда не предоставляется доступ в эти лагеря, СС свято чтит свои мерзко-пакостные традиции. За узников временных концлагерей никто не заступает и не контролирует поэтому Золингер творит, все что захочет. С лета 1943 года дважды в неделю, как правило, по понедельникам и четвергам, в этот лагерь привозят для изнурительной работы граждан иностранных государств – Австрии, Польши, Франции

и Германии.

– Что и немцев тоже? – Шульга искренне удивился, на что Дед, наклонившись к нему тихо прошептал, – Немцы бывают разные, надеюсь, тебе Колыма не надо напоминать, что у тебя записано в пятой графе? Шульга смешался.

– Ладно, ладно, не многие знают, что ты наполовину немец.

– Результаты столь бурной деятельности Золингера, – продолжал товарищ Потап, – не заставили себя долго ждать, узники планомерно уничтожаются и умирают от голода и болезней, но, учитывая немецкий орднунг, будь он неладен, такое массовое умерщвление показалось коменданту лагеря слишком затратным, он заказал где-то в Польше две газовых душегубки на базе Опель «Блиц», они скоро должны прийти.

Шульга напрягся, – А с этого места можете поподробней, как эти душегубки поставляются, на какую станцию придут и какова охрана этих автомобилей?

– Пока что Колыма, – это нам не известно, но, если вас эти сведения сильно интересуют, мои люди могут все подробно разузнать. У меня на станции есть свои доверенные люди.

– Товарищ Потап, нам эта информация нужна, как воздух. Есть у меня дерзкий план, как использовать эти душегубки в наших целях.

– Хорошо, договорились, в течении двух дней я вам предоставлю эту информацию.

– Где точно базируется ваш партизанский отряд?

– У нас несколько секретных стоянок, расположены они в разных точках района, командиры этих групп не имеют связи между собой, но есть постоянная связь с командиром всего отряда товарищем Максимом. А вот, где находится сам товарищ Максим не знает никто, кроме трех доверенных людей.

– Как у вас все серьезно, а какова численность всех отрядов?

– Около 850-ти человек, но, как я заметил, в целях конспирации отряд разбит на три малых отряда. А с какой целью интересуетесь, товарищ Дед?

– Об этом потом, а сейчас, как нам стало известно, в район Речицы прибыл полк СС и два полка полевой жандармерии, и ваш командир отряда товарищ Максим настоятельно просил нас прислать ему спецов именно по этим родам войск вермахта, так что скоро вам скучно не будет. К вам собралась в гости серьезная группа контрразведчиков Смерш-4, они вам кое-чем помогут. Ну и вы соответственно им подсобите, чем сможете. Также мы знаем, что ваш отряд один из сильнейших партизанских отрядов в Белоруссии насчитывающий порядка полутора тысяч партизан. Так что ваша цифра не точна! Бурмистров пропустил мимо ушей укор и, как ни в чем не бывало, продолжал, – Вчера пришла шифровка от наших подпольщиков в Гомеле, начальник управления полиции безопасности и СД по Гомельской области штандартенфюрер Кренке в своем выступлении на совещании руко-

водящих сотрудников генкомиссариата хвалился, что у него в управлении работает около ста сотрудников-немцев и около четырехсот секретных сотрудников из числа бывших наших граждан, среди которых есть латыши, эстонцы, украинцы и белорусы.

– Это плохо товарищ Потап, вся эта продажная шушера может оказаться у вас или в соседних партизанских отрядах. Подозреваю, что этих изменников Родины готовили где-то неподалеку в одной из школ Абвера. С улицы таких людей не насобираешь. Скорее всего тут личный мотив или основательно запятнанная репутация. Как бы нам заполучить хоть одного предателя живым.

– Мы постараемся это сделать, эти сволочи ведут себя крайне беспечно, шныряя по деревням, нагло отбирают все, что приметят особо ценное, но что нам это даст?

– Скоро вы об этом узнаете, ладно, на этом нам пока достаточно информации, до свидания товарищ Потап, мы еще с вами встретимся, но позже и не здесь. Офицеры распрощались и покинули штаб.

– Серьезный дядечка, надеюсь мы там с ним сработаемся!

– Бурмистров один из организаторов и руководителей подполья партизанского движения в Белорусской ССР. Все уходим, дел еще невпроворот.

В блиндаже девушек тихо играл патефон, горела коптилка, изготовленная из гильзы снаряда и керосиновая лампа, Ксения сидела за столом и писала домой письмо, а Марий-

ка в нижнем белье склонившись над тазиком стирала гимнастерку. Шульга невольно залюбовался ею. Мария была одного роста, что и Раечка и такая же стройная. Только у неё грудь была поменьше, но бедра шире и округлее, движения размеренные и женственные. Скорее всего она уже рожала. Ксения же была настоящая русская бой-баба, крепкая костью, с внушительно сбитым телом, среднего роста, карие, с поволокой глаза, смотрели подозрительно и оценивающе, такую прожженную жучару на мякине не проведешь, вмиг основательно насует в рыло и навешает тумачков по загровку. Это Шульге понравилось, ему одной ранимо-кисейной Раечки хватало, а с этой можно идти в разведку – не подведет! Григорьев кашлянув, тактично постучал в дверь, – Девушки разрешите войти? Марийка взвизгнула и поспешно накинула на себя одеяло, Ксения, не смотря на внушительную комплекцию, молниеносно вскочила, вытянулась и невинно прикрыла глаза, в которых толпой прыгали бесенята.

– Вольно красавицы, мы по вашу душу, не прогоните?

– Проходите товарищи офицеры, – Марийка пригласила их, а сама юркнула за ширму, чтобы переодеться. Ксюха отложила письмо и тоже встала. Глебова они уже знали, а вот два других офицера им были незнакомы.

– Так лейтенанты Канадина и Родионова, – Испанец не стал ходить вокруг, да около, – вы поступаете в полное распоряжение майора Шульги и покидаете прежнее место службы, вам десять минут на сборы, мы ждем вас у штаба армии.

Брать только личное оружие и пожитки, остальное получите на новом месте службы. Поторопитесь!

– Товарищ полковник, а вы с нами поедете?

– Не сегодня, я прибуду дня через два, мне надо оформить в штабе армии ваш перевод и еще двух бойцов. Через полчаса автомобиль, утробно урча, увез четырех новых членов группы Шульги в неизвестном направлении. Сидящие в кузове люди притихли, они и представить себе не могли, что их будет ждать через неделю.

Девушек он решил определить под начало Раечки, он не сразу решился на это, Раечка слишком темпераментна, импульсивна, не в меру беспокойна и легко возбуждается с пол оборота, но потом сдался, в конце концов он же командир всей группы и найдет «красивые» слова, чтобы уговорить не в меру разошедшуюся подругу.

– Раиска, принимай пополнение и командование своей женской группой, вечером с Абреком прибудет еще одна амазонка, – Шульга представил Симоновой новых членов группы радио обеспечения, а сам направился с Испанцем к начальнику тыла фронта. Шульга пока решил не говорить Раечке про истинную цель визита в Гомельскую область, он прекрасно знал, что одно упоминание имени Глории, введет Раечку в дикую не управляющую ярость. Всею свое время.

Начальник тыла армии полковник Безуглов представлял собой типичную тыловую крысу, переднего края он боялся,

как огня и предпочитал там не появляться. Холеный, с белой кожей, всегда чисто выбрит и надушен, но характер имел прескверный. Офицеров ниже звания полковника за людей не считал и говорил с ними пренебрежительно через губу. А солдат и сержантов вообще не замечал и без разбора разносил их, своим противно-скрипучим голосом, в пух и прах, за малейшую провинность. Для него они были не люди! Много раз ему на это указывали, раз даже сняли за снобизм и высокомерие, но вмешивался член реввоенсовета фронта, по совместительству приходившийся Безуглову тестем и все вставало на прежние места. Шульгу всегда бесили эти всевозможные приспособленцы, зятя, кумовья и другие родственники высокопоставленных начальников. Как они умудрялись, при таком скудоумии и тупости отыскивать себе в жены дочерей или сестер начальников и занимать хлебные и теплые местечки, оставалось для него загадкой.

Шульга, как только Безуглова увидел, сразу определил ему место в жизни, туда, где он недавно прозябал. Вот кого Колымский край может бесповоротно исправить и навсегда вбить в его пустую голову человеколюбие и уважение к окружающим, но он

бы там скорее всего не выжил и в скорости, пополнил когорту опустившийся людей. Шульгу он встретил высокомерным взглядом скользнув по его поганам и напустил на себя неприступный вид.

– С чем пожаловали майор? Шульга подал ему бумагу с

требуемым обмундированием и техническими средствами.

Внимательно прочитав требование, он присвистнул, – Майор, вы что Берлин решили взять штурмом? – Да вроде того, ну как? Есть все это у вас на складах?

– У нас все есть, сейчас не 1941 год! Только я такую провру амуниции и вооружения выдать вам не могу!

– Почему, любезный, что рылом не вышли?

– Вы мне не нравитесь, принесите разрешение от начальника тыла фронта. Испанец до этого разговора благоразумно молчал, Шульга, зная его взрывной характер, предупредил его, что с тыловиками он будет разговаривать сам, но здесь его терпению пришел конец. Испанец, бесцеремонно оттеснил Шульгу в сторону и вытянул вперед свои здоровые ручки.

– Сейчас я этим руками буду разбивать бетон заскорузлой консервативности. Смирно паскуда с тобой разговаривает полковник Особого отдела армии Глебов! Тыловик даже бровью не повел, – Мне нужно разрешение людей повыше вас полковник! Дело принимало нешуточный оборот, зная характер Испанца, Шульга решил вмешаться, иначе сейчас до мордобития будет рукой подать.

– Хорошо товарищ полковник, зачем делать несколько шагов вперед, когда для достижения цели достаточно одного, а вот эта бумажка думаю вас устроит, и он сунул под нос приказ Лаврентия Берии и Виктора Абакумова. Глянув на подписи, полковник изменился в лице и стал терять дар ре-

чи, он, заикаясь, пытался что-то сказать, но у него это никак не получалось, изо рта несло только нечленораздельное бульканье. Испанец кулаком врезал ему по спине, – Рожай быстрее, иуда! Даешь или нет? У нас времени мало! Как тебя уroda только земля носит. Начальник тыла армии быстро схватил список и начал отмечать карандашом имеющиеся позиции. Шульге так и хотелось сказать: «вот что крест, животворящий делает», но решил, что не стоит.

– Мне нужны пулеметы, много пулеметов, они есть на складе в наличии?

Полковник Безуглов сразу смекнул, что тут, под шумок, можно спихнуть неликвид и немедленно провел офицеров к стеллажам, где рядками стояли устаревшие образца 1938-го года ручные пулеметы ДП-27, но Шульга даже не взглянул на них, – Эти нам не подходят, тяжелы и неудобны, к тому же имеет ограниченный боезапас и имеют существенные недостатки: большие габариты и масса пустого магазина, неудобство в транспортировке и зарядании, а также возможность повреждения магазина в условиях боя из-за его склонности к деформации. А нам с самолета сигать!

– Не подходят? – полковник искренне удивился, – да ими сейчас воюет вся наша армия! – То армия, а мы не армия и нам эти железяки только мешать будут.

– А приборы СГ-42 к пулемету есть, так называемые глушители? – Это уже Испанец вставил свои пять копеек.

– Да откуда им взяться, мы не НКВД и не разведка – на

передовой они не нужны.

– Я слышал, что у вас тут есть отдельный склад трофейного немецкого оружия?

– Да есть, армейская разведка, перед переходом линии фронта, иногда там оружие себе подбирает, но там только пулеметы МГ-34, их штук тридцать и около сотни автоматов МП-40, гранаты-колотушки, пистолеты и винтовки Маузер, но они под личным контролем Особого отдела фронта.

– Вам что полковника Григорьева пригласить?

– Не поможет – там генерал Ефимов всем рулит, крутой мужик!

– Да хоть маршал!

– О, даже так! Что вы за птица майор?

– Вам товарищ полковник лучше не знать. Мы знаем, что у вас на складе есть немецкие пулеметы новой модификации МГ-42, они более совершенны, а главное, легкие пулеметы, их всего у вас с десяток, но они нам нужны позарез, а Особый отдел фронта увидев мою бумагу надеюсь с радостью согласится нам эти пулеметы подарить.

– На сколько человек готовить амуницию и на сколько дней продпаек?

– Лишние вопросы задаете полковник! Все вопросы решать будете только со мной, сколько точно людей и чего готовить узнаете со временем, но уверяю вас цифра будет не точная. Примерно на пятнадцать человек и подготовьте нам пятнадцать МП-40 и по пять рожков боекомплекта.

– Зачем вам эти пукалки, возьмите ППШ, с секторными магазинами, они практичнее и надежнее. Да и боеприпасов у нас завались!

– Сразу видно крысу тыловую, ни черта не соображает в оружии, – чертыхнулся Испанец, нам придется воспользоваться немецкими МГ-42 с магазинным питанием с лентами из коробки на 150 патронов, это легче, чем таскать с собой несколько блинов для ручного пулемета Дегтярева.

– Разреши и мне товарищ полковник, чутка восполнить пробел в образовании этого человека, неспособного отличить хер от трамвайной ручки, – я ничего не имею против нашего ППШ, но нам он не подходит, там нужно оружие только немецкое! Стрельба – дело громкое и звук выстрела из трещотки ППШ в немецком тылу вряд ли останется незамеченным, очередями ППШ молотит так, что легко выдает себя за счет скорострельности, когда как пальба из МР-40 ни у кого не вызовет подозрений. Учись дилетант, кто тебе только полковничьи звезды на погоны навесил! Так что мы идем в трофейный склад?

– Идем, – обреченно вздохнул полковник тылового обеспечения. Шульга намерено не сказал сколько людей он возьмет на эту сумасшедшую операцию, так как точного количества он и сам не знал. Григорьев по секрету ему сказал, что в его группу настоятельно просятся их крестники, которых они вызволили из плена. Все стало ясно, изрядно поредевшей группе Соболева за плен в Озерске перестраховщики из

НКВД решили позволить реабилитироваться перед страной.

– Вот же суки позорные, – ругнулся вслух Шульга.

– Кто суки? – переспросил полковник, – Да есть в нашей жизни экземпляры из рода человеческого. Но последующие события изменили все планы Шульги, и он решил не включать в группу людей Соболева. Психическое состояние на войне считается самым дефицитным и востребованным товаром и мало кто может сохранить трезвый расчет и ясный ум там, куда Шульге и его группе предстояло отправиться.

Глава четвертая

В блиндаже девушек тихо играл патефон, горела коптилка, изготовленная из гильзы снаряда и керосиновая лампа, Ксения сидела за столом и писала домой письмо, а Марийка в нижнем белье склонившись над тазиком стирала гимнастерку. Шульга невольно залюбовался ею. Мария была одного роста, что и Раечка и такая же стройная. Только у неё грудь была поменьше, но бедра шире и округлее, движения размеренные и женственные. Скорее всего она уже рожала. Ксения же была настоящая русская бой-баба, крепкая костью, с внушительно сбитым телом, среднего роста, карие, с поволокой глаза, смотрели подозрительно и оценивающе, такую прожженную жучару на мякине не проведешь, вмиг основательно насует в рыло или навешает тумачков по загревку. Это Шульге понравилось, ему одной ранимо-кисейной Раечки хватало, а с этой можно идти в разведку – не подведет! Григорьев кашлянув, тактично постучал в дверь, – Девушки разрешите войти? Марийка взвизгнула и поспешно накинула на себя одеяло, Ксения, не смотря на внушительную комплекцию, молниеносно вскочила, вытянулась и невинно прикрыла глаза, в которых толпой прыгали бесенята.

– Вольно красавицы, мы по вашу душу, не прогоните?

– Проходите товарищи офицеры, – Марийка пригласила их, а сама юркнула за ширму и быстро натянула на себя граж-

данский свитер. Ксюха отложила письмо и тоже встала. Глебова они уже знали, а вот два других офицера им были незнакомы.

– Так лейтенанты Канадина и Родионова, – Испанец не стал ходить вокруг, да около, – вы поступаете в полное распоряжение майора Шульги и покидаете прежнее место службы, вам десять минут на сборы, мы ждем вас у штаба армии. Брать только личное оружие и пожитки, остальное получите на новом месте службы. Поторопитесь!

– Товарищ полковник, а вы с нами поедете?

– Не сегодня, я прибуду дня через два, мне надо оформить в штабе армии ваш перевод и перевод еще двух бойцов. Через полчаса автомобиль, утробно урча, увез четырех новых членов группы Шульги в неизвестном направлении. Сидящие в кузове люди притихли, они и представить себе не могли, что их будет ждать через неделю.

Девушек Шульга решил определить под начало Раечки, он не сразу решился на это, Раечка слишком темпераментна, импульсивна и не в меру беспокойна, легко возбуждается с пол оборота, но потом сдался, в конце концов он же командир всей группы и найдет «красивые» слова, чтобы уговорить не в меру разошедшуюся подругу.

– Раиска, принимай командование женской группой, вечером с Абреком прибудет еще одна амазонка, – Шульга представил Симоновой новых членов группы радиообеспечения, а сам направился с Испанцем к начальнику тыла

фронта. Шульга пока решил не говорить Раечке про истинную цель визита в Гомельскую область, он прекрасно знал, что одно упоминание имени Глории, введет Раечку в дикую, не управляющую, ярость. Всему свое время.

Начальник тыла армии полковник Безуглов представлял собой типичную тыловую крысу, переднего края он боялся, как огня и предпочитал там не появляться. Холеный, с белой кожей, всегда чисто выбрит и надушен, но характер имел прескверно-паскудный. Офицеров ниже звания полковника за людей не считал и говорил с ними пренебрежительно через губу. А солдат и сержантов вообще не замечал и без разбора разносил их, своим противно-скрипучим голосом в пух и прах за малейшую провинность. Для него они были не люди! Много раз ему на это указывали, раз даже сняли с должности за снобизм и высокомерие, но вмешивался член реввоенсовета фронта, по совместительству приходившийся Безуглову тестем и все вставало на прежние места. Шульгу всегда бесили эти всевозможные приспособленцы, зятя, кумовья и другие родственники высокопоставленных начальников. Как они умудрялись, при таком скудоумии и тупости, отыскивать себе в жены дочерей или сестер начальников и занимать хлебные и теплые местечки, оставалось для него загадкой.

Шульга, как только увидел Безуглова, сразу определил ему место в жизни, туда, где он недавно прозябал. Вот когда Колымский край может бесповоротно исправить и наве-

гда вбить в его пустую голову человеколюбие и уважение к окружающим, но он

там скорее всего, не выжил бы и в скорости, пополнил когорту опустившийся людей.

Скользнув пренебрежительным взглядом по майорским погонам Шульги, он тут же опустил взгляд и напустил на себя неприступный вид. На Испанца, он вообще не обратил внимание, так как он был в кожаном реглане без погон.

– С чем пожаловали майор? Шульга подал ему бумагу с требуемым обмундированием и техническими средствами. Внимательно прочитав требование, он присвистнул, – Майор, вы что Берлин решили штурмом взять?

– Да вроде того, ну как? Есть все это у вас на складах?

– У нас есть все, сейчас не 1941-й год! Только я такую прорву амуниции и вооружения выдать вам не могу!

– Почему любезный, что рылом не вышли? У Колымы невольно зачесались кулаки.

– Вы мне не авторитет, принесите разрешение от начальника тыла фронта.

Испанец благоразумно молчал, Шульга, зная его взрывной характер, предупредил его, что с тыловиками он будет разговаривать сам, но здесь его терпению пришел конец. Испанец, побагровев лицом, бесцеремонно оттеснил Шульгу в сторону и вытянул вперед свои здоровенные ручищи.

– Сейчас я вот этим руками буду разбивать бетон заскоружлой консервативности. Смирно паскуда с тобой разгова-

ривает полковник Особого отдела армии Глебов! Тыловик даже и бровью не повел, – Мне нужно разрешение людей повыше вас полковник! Дело принимало нешуточный оборот, зная характер Испанца, Шульга решил вмешаться, иначе сейчас до мордобития рукой подать.

– Хорошо товарищ полковник, зачем делать несколько шагов вперед, когда для достижения цели достаточно одного, а вот эта бумажка думаю вас устроит, он сунул под нос приказ Лаврентия Берии и Виктора Абакумова. Глянув на подписи, полковник изменился в лице и стал терять дар речи, он, заикаясь, пытался что-то сказать, но у него это никак не получалось, изо рта неслошь только нечленораздельное бульканье. Испанец кулаком врезал ему по спине, – Рожай быстрее, пройдоха! Даешь или нет? У нас времени мало! Как тебя уroda только земля носит.

Начальник тыла армии быстро схватил список и начал отмечать карандашом имеющиеся позиции. Шульге так и хотелось сказать: «вот что крест, животворящий делает», но решил, что не стоит.

– Мне нужны пулеметы, много пулеметов, они у вас на складе есть в наличии?

Полковник Безуглов сразу смекнул, что тут, под шумок, можно спихнуть неликвид и немедля провел офицеров к стеллажам, где рядками стояли устаревшие ручные пулеметы ДП-27, образца 1938-го года, но Шульга даже не взглянул на них, – Эти нам не подходят, тяжелы и неудобны, к тому же

имеет ограниченный боезапас и имеют существенные недостатки: большие габариты и масса пустого магазина, неудобство в транспортировке и зарядании, а также возможность повреждения магазина в условиях боя из-за его склонности к деформации. А нам с самолета сигать!

– Не подходят? – полковник искренне удивился, – да ими сейчас воюет вся наша армия!

– То армия, а мы не армия и нам эти железяки только мешать будут.

– А приборы СГ-42 к пулемету есть, так называемые глушители? – это уже Испанец, решив проверить компетенцию полковника, задал каверзный вопрос..

– Да откуда им взяться, мы не НКВД и не разведка – на передовой они не нужны.

– Я слышал, что у вас тут есть отдельный склад трофейного немецкого оружия?

– Да есть, армейская разведка, перед переходом линии фронта, иногда там оружие себе подбирает, но там только пулеметы МГ-34, их штук тридцать и около сотни автоматов МП-40, гранаты-колотушки, пистолеты и винтовки Маузер, но они под личным контролем Особого отдела фронта.

– Вам что, полковника Григорьева пригласить?

– Не поможет, этим складом генерал Ефимов рулит, крутой мужик!

– Да хоть маршал! – О, даже так! Что вы за птица такая, майор?

– Вам товарищ полковник лучше не знать. Мы знаем, что у вас на складе есть немецкие пулеметы новой модификации МГ-42, они более совершенны, а главное, довольно легкие пулеметы, их всего у вас с десяток, но они нам нужны позарез, а Особый отдел фронта увидев мою бумагу надеюсь, с радостью согласится нам эти пулеметы подарить.

– На сколько человек готовить амуницию и на сколько дней продпаяк? – сразу пошел на попятную тыловик.

– Лишние вопросы задаете полковник! Все вопросы, касающиеся личного состава и его количество, решать будете только со мной, сколько точно людей и чего готовить узнаете со временем, но уверяю вас цифра будет не точная. Примерно на пятнадцать человек и подготовьте нам пятнадцать МП-40 и по пять рожков боекомплекта на каждый ствол, плюс пять цинков с патронами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.